Л.М.Воронцова
С.Б.Филатов
Д.Е.Фурман

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

В настоящей статье предлагается попытка интерпретации данных трех опросов, проводившихся в рамках исследования взаимосвязи религиозных и политических взглядов в массовом сознании России, а также прилегающих областей Украины и Казахстана, в основном населенных русскоязычным населением. Исследование проводилось авторами данной статьи, а также социологами Л.Г.Бызовым и Г.Л.Гуревичем в 1990, 1991 и 1992 годах.

В 1990 г. опрос проводился в Москве, Пскове, а также в ряде городов и поселков Харьковской и Смоленской областей. Выборка - 1855 человек.

В 1991 г. - также в Москве и Пскове, и еще в 10 городах РСФСР и Северного Кавказа. Выборка - 2000 человек.

В 1992 г. - в 10 городах России (в т.ч. снова в Москве и Пскове) и в 5 городах Казахстана. Выборка - 2250 человек. Поскольку нас прежде всего интересовали данные о массовом сознании русских, из выборки на стадии анализа были исключены представители мусульманских народов (их анкеты обрабатывались отдельно). В результате выборка сократилась до 1908 человек.

В отличие от большинства социологов, проводящих сейчас социологические исследования, нас интересовала глубинная структура массового сознания - во что люди верят, или стремятся верить, что для них - добро и что зло, а не меняющийся рейтинг, например, Руцкого или Ельцина либо отношение к проблеме принятия новой конституции. Особенно важным нам представлялось понять, с какими общемировоззренческими основами связана современная тенденция к демократии и капиталистической экономике, во

что еще, кроме демократии и капитализма, верят их сторонники. В 1990 г. наши вопросы ограничивались сферами отношения к религии и общими политическими установками. В 1991 г. они уже охватывали такие сферы, как литература, музыка и живопись, а в 1992 г. - еще и отношение к труду, половой морали и т.д. В результате получен материал, охватывающий все сферы общественного сознания, своего рода портрет духовной жизни россиян в бурную и переломную эпоху.

Материалы опросов 1990 и 1991 гг. послужили основой для статьи С.Б.Филатова и Д.Е.Фурмана "Религия и политика в массовом сознании", опубликованной в седьмом номере журнала "Социальные исследования" за 1992 г., а также для целого ряда выступлений в печати, некоторые из которых уже упоминались. Данная статья, таким образом, продолжает эту серию публикаций, включая в анализ и новые данные опроса 1992 года.

Излишне говорить, что это - далеко не исчерпывающая обработка громадного материала, содержащегося в данных опросов. Мы попытались описать и проанализировать наиболее очевидные, наиболее бросившиеся в глаза общие тенденции и взаимосвязи. Множество проблем, возникающих при рассмотрении материала, но не связанных непосредственно с той общей логикой эволюции массового сознания, которая представляется нам основой, мы оставили в стороне. И мы отлично понимаем, что та картина, которую мы увидели в кажущемся хаосе бесконечного количества цифр - это лишь одна из возможных интерпретаций. Другие исследователи, возможно, увидели бы нечто иное, да и для нас самих при появлении данных новых опросов и при дальнейшей работе с уже имеющимися данными, картина может измениться.

Религия.

При рассмотрении данных об отношении современного массового сознания к религии прежде всего бросается в глаза резкий рост религиозности и стремительное, "обвальное" отступление атеизма.

Начало этого процесса относится к более ранней эпохе, уже к позднесталинскому времени, когда приостанавливается "тотальная война" с религией и возникает даже "заигрывание" с ней правящей верхушки. При Хрущеве борьба с религией возобновляется, но уже в более вялой по сравнению с эпохой 20-х - 30-х годов и формально-бюрократической форме. В брежневское время возрастание религиозности, особенно среди интеллигентской молодежи больших городов, становится очень заметным. Однако "статистические масштабы" этого процесса были еще невелики, и опросы того времени его не фиксируют (впрочем, опросы того периода и не были нацелены на выявление истинной картины, да и опрашиваемые боялись отвечать откровенно).

Даже в 1988 г. проведенный в Москве совместный советско-американский опрос показал 43% неверующих и только 10% верующих (среди молодежи до 30 лет - 11%). Настоящий "обвал", очевидно, происходит уже позже. Во всяком случае, наш опрос 1990 г. выявляет иную картину массового сознания.

К 1990 г. установилось практически всеобщее убеждение, что религия - это хорошо. Вот как отвечали люди на вопрос: "Нужна ли современному обществу религия?" См. таблицу 1.

Таблица 1.

Нужна ли современному обществу религия?

	Москва			Псков			Всего		
	1990	1991	1992	1990	1991	1992	1990	1991	1992
Да, безусловно	62	55	52	59	61	41	57	56	50
Скорее "да", чем нет	22	35	36	20	36	35	23	35	37
Нет	7	3	6	13	3	10	12	3	6

Итак, после 70 лет активной, планомерной и разносторонней борьбы с религией 6% населения убеждены в том, что она не нужна. Из этого убеждения в необходимости религии, охватывающего не только верующих, но и колеблющихся, и даже часть атеистов (процент атеистов выше процента лиц, считающих, что религия не нужна), проистекает то, что все больше людей обращаются к религии. См. таблицу 2.

Таблица 2.

Удельный вес верующих и атеистов в населении

	Население в целом			Москва			Псков		
	1990	1991	1992	1990	1991	1992	1990	1991	1992
Верю в Бога	29	29	40	27	24	41	24	27	43
Атеист	16	11	8	20	10	8	4	11	7

Все больше людей заявляет и о том, что религия играет в их жизни важную роль. См. таблицу 3.

Таблица 3.

	1990	1991	1992
Религия играет в моей жизни важную роль	28	25	41
Религия играет в моей жизни некоторую роль	32	35	34
Религия не играет никакой роли	25	26	14

Мы видим, что процент верующих и тех, в чьей жизни религия играет важную роль (эти термины, естественно, надо понимать - заявляющих о том, что они верующие и что религия играет важную роль в их жизни, что может, как мы это увидим, совершенно не соответствовать действительности), растет, процент атеистов падает, причем рост числа верующих за последние годы шел как бы двумя "рывками". Первый приходится на период 1988-1990 гг. - период "перестроечного" раскрепощения сознания людей. Второй - на 1991-1992 гг., когда побеждает новая официальная идеология, один из компонентов которой - позитивное отношение к религии, и когда называть себя "неверующим" или "атеистом" становится "неприлично" и в какой-то степени даже "нелояльно".

Какова логика процесса роста религиозности, какие здесь действуют закономерности?

Этот процесс полностью вписывается в общую картину эволюции массового сознания в России нового времени, которую можно описать при помощи модели "маятника", движущегося от одного мировоззренческого положения к противоположному и затем обратно - к положению, с отхода от которого началось движение.

Дореволюционная и предреволюционная Россия представляла собой православный монолит, постоянно подтачивающийся изнутри. Православная церковь до последнего оберегает себя от каких-либо реформационных процессов и нововведений. Она также охраняет свое монопольное положение в духовной жизни общества - положение государственной, официальной церкви. Церковь освящает своим авторитетом российское самодержавие, а самодержавие силой и властью охраняет ее монополию. "Еретики" преследуются чуть ли не до 1917 года. Но как это уже было в истории, хотя и в меньших масштабах (например, с католической церковью во Франции перед Великой Французской революцией), борясь с видимыми врагами - старообрядцами, протестантами и т.д., церковь и самодержавие оказываются не способными бороться с более серьезным, но "невидимым" врагом - все большим безразличием к религии и интеллигенции, и народа, ее тотальным (и именно поэтому - "невидимым", ибо при

полном безразличии к религии можно ходить в церковь и никак не вступать в открытые конфликты) отвержением. Почти абсолютная монополия православия ведет к его постепенному обессиливанию, ноги колосса становятся все более и более глиняными, и революция 1917 года знаменует его падение, масштабы которого непосредственно определяются масштабами предшествующей духовной монополии и "неподвижности".

Между периодом тотального господства православия и его тотального же падения и победы большевистского атеизма был недолгий переходный период мировоззренческого плюрализма, выражавшегося в запоздалых попытках реформировать православие, росте протестантизма и появлении русского католицизма, в распространении восточных религий и оккультизма, а в антирелигиозном, атеистическом лагере - в плюрализме различных форм марксизма, народничества и т.д. Период этот охватывает лишь немногие предреволюционные годы и несколько лет после революции.

Революция приводит к массовому, "обвальному" отходу от религии, которая для большинства населения уже была чисто формальна. К середине 30-х годов могло показаться, что с религией уже практически покончено - верующими остались необразованные, больше - деревенские старики и старухи и горстка "недобитых" представителей старой интеллигенции. (С этого слоя началось подточившее православие антирелигиозное движение, но вместе с тем, в нем же, у отдельных его представителей, сохранялись серьезные и глубокие религиозные убеждения.) В целом же в обществе устанавливается монополия новой "религии" - марксизма-ленинизма, уничтожившей всех врагов и конкурентов. "Духовный маятник" совершил свой первый ход, от всеобщего православия тоже к практически всеобщему марксистско-ленинскому атеизму.

Далее идут процессы, "симметричные" процессам, приведшим к падению православия, но идут в ускоренном темпе. Уже в 30-е годы официальный марксизм превращается в закрытую догматическую идеологию, не только не терпящую конкурентов, но и не допускающую никакой неортодоксальности. Все повторяется, но в других символах, в других одеждах, на другом языке. Опять господствующую "церковь"

волнуют прежде всего еретики - всякие троцкисты и ревизионисты, то есть, как раз те, кто пытается сделать ее более открытой и жизнеспособной. Опять эта "церковь", тщательно выискивая малейшие отклонения от догмы, оказывается неспособной увидеть истинную опасность: превращение веры в формальность, бездумный конформизм, то, что реальные духовные процессы начинают идти мимо нее.

Религия особенно коммунистическую власть не волнует - никакой реальной опасности от стариков и старух она не видит и как раз в период максимально жесткого идеологического контроля, всеобщей "охоты на ведьм" отношение к церкви меняется. Власть идет на союз с остатками церковной иерархии, дав им взамен на стопроцентную лояльность разного рода привилегии и возможность церкви продолжать свое существование где-то на задворках общества, установив таким образом контроль над теми слоями населения, обратить которых в марксистско-ленинскую веру особенно трудно и хлопотно. Но как раз с этого момента начинается новое, незаметное для глаз, движение духовного маятника.

Позднесталинское заигрывание с религией и духовенством, обращение к вере Л.Пастернака, А.Солженицына, В.Синявского, В.Солоухина и др., возникшая уже в конце 60-х мода на крестики и т.д. и т.п. - все это очень разные проявления единого духовного процесса, идущего в направлении, противоположном направлению первого "удара маятника" (звеньями и формами которого были "вольнодумство" екатерининских вельмож, Герцен, Чернышевский и т.д.). И наконец, как и в первом движении от религии, обратное движение приобретает все более массовые, статистически значимые масштабы, наступает тот "обвал", который произошел.перед нашими глазами.

Логика истории, конечно - не логика морализаторской пьесы. И все же в нее встроены какие-то механизмы "расплаты за грехи", в том числе и за грех монопольного господства и подавления инакомыслия и разномыслия. Движущийся с почти механической правильностью маятник одновременно имеет моральное значение, есть механизм морального воздаяния.

Дореволюционная православная церковь расплатилась своим почти полным исчезновением и сервильным

положением в атеистическом государстве. Атеистический марксизм - тем, что атеистами сейчас объявляют себя 7 процентов, а людей, считающих, что религия не нужна - всего 6.

"Маятникообразный" характер современного движения от атеизма к религии виден не только в картине духовной эволюции общества на протяжении относительно большого периода его истории, но также в "симметричности" распространения новой религиозности в отдельных социальных слоях и распространения раньше, во время первого "движения маятника", атеизма. "Симметричность" эта - не полная, но достаточно очевидная: при некоторых отклонениях, в основном, распространение религиозности идет теми же "социальными путями", какими раньше шло ее отступление и наступление атеизма.

Посмотрим на таблицу 4, показывающую распределение религиозности по разным возрастным группам.

Таблица 4.

Изменение удельного веса верующих и атеистов в разных возрастных группах

		16-17	18-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	свыше 60
Верующие	1990		22	22	19	15	23	41	54
	1991	33	36	26	29	28	24	27	39
	1992	45	37	40	36	38	41	42	45
Атеисты	1991	9	10	5	6	12	11	17	16
	1992	4	3	5	7	6	10	10	14

Совершенно ясно, что во время движения массового сознания к атеизму с религией порывала скорее молодежь (в миниатюрной и верхушечно интеллигентской форме мы видим это в конфликте поколений, изображенном в "Отцах и детях", который потом повторился в иных социальных слоях и в тысячекратном масштабе, когда комсомольцы разрушали церкви, а поодаль в ужасе крестились старики и старухи). Теперь новое, обратное движение также идет прежде всего через молодежь. Таблица 4 показывает, что с 1990 по 1992 г. рост религиозности происходит во всех возрастных группах, но при этом сохраняется общая тенденция к двум возрастным "пикам" религиозности (заметным уже в советско-американском исследовании 1988 г.) - у более молодых и более пожилых (старше 60-лет) людей. Наоборот, среднее поколение менее религиозно. Хотя в старшем поколении также происходит обращение к религии, в нем, несомненно, сохраняется и традиционная религиозность, удержавшаяся со времен, предшествовавших массовому обращению в атеизм, религиозность деревенских или когда-то приехавших в города из еще богомольной деревни "бабушек". Напротив, религиозность молодежи - это новая религиозность.

Сходство путей распространения новой религиозности с распространением раньше атеизма можно усмотреть и в том, что сейчас атеизм заметно "стареет" (и, поскольку в старшем поколении верующих также больше, чем в средних, здесь в целом больше носителей четких и противоположных мировоззрений) и держится в старшем поколении особенно прочно (мы видим, что темпы отхода от атеизма старшего поколения значительно более медленные, чем темпы отхода от него молодежи). Именно так было раньше с отходом от религии. Молодежь, более открытая новым веяниям, не успевшая проникнуться старой верой, сжиться с ней, быстро порвала с религией. Старики же продолжали верить в Бога, хотя многие из них соглашались с тем, что религия, скорее всего, умрет вместе с ними. Сейчас из стариков так же трудно "выбить" атеизм, как раньше было трудно "выбить" религию, хотя (и в этом - тоже сходство) часть из них готова признать, что религия - важна и нужна, а атеизм - чуть ли не признак их "отсталости". И как многие старики, пронеся свою религиозность через годы атеистических кампаний, дожили до

новой религиозной волны, так, вполне возможно, часть теперешних атеистов старшего поколения доживет до новой атеистической волны.

Определенную "симметричность" с предшествующим движением к атеизму мы можем усмотреть и в других аспектах. Тогда движение началось в больших городах - в Петербурге и Москве, и лишь позже, в 20-е годы, проникло в деревню. Сейчас "обратное движение" также идет из крупных центров в периферию. Согласно опросу 1990 г. уровень религиозности в Москве (27% верующих) превышал уровень религиозности в Харькове (12%) и небольших городах - Купянске Харьковской области и Холм-Жирновском Смоленской области (20% и 15%). Только в некоторых деревнях верующих было больше, чем в Москве. Схожую картину показали и данные 1991 года. По религиозности Москва была позади древних провинциальных городков (Сасово, Чердынь), но впереди Екатеринбурга. В 1992 году - она позади Гдова, Камышина, Уральска, но впереди Омска, Алма-Аты, Актюбинска, Павлодара, Чимкента, Ялуторовска.

Очень сложную картину, но в целом, на наш взгляд, также "симметричную" с первым ходом маятника представляет распределение религиозности по образовательным и профессиональным группам.

Она была очень сложна и при первом движении. Атеизм, несомненно, распространялся в свое время из более образованных слоев, лишь в конце концов проникнув в народную толщу и так и не дойдя до наиболее "темных" слоев. Но из истории русской, культуры мы знаем, что распространение атеизма в интеллигенции шло очень неравномерно в разных ее группах, и сознательный, идейный атеизм одних представителей этого слоя вполне мог сочетаться с тоже сознательной и глубокой религиозностью других. Более того, в начале века, очевидно, "пик" влияния атеизма, еще далеко не достигнутый обществом в целом, в интеллигенции, от которой он и распространялся, был уже позади. Что-то похожее мы видим и сейчас.

Распространение религии у нас идет в основном не от церкви. Оно, как и раньше распространение атеизма, идет от разного рода интеллигентских "властителей дум". Только 9% опрошенных в 1992 г. черпало религиозную информацию в церкви и только 21% - из Евангелия и религиозной

литературы (что наверняка - преувеличенная цифра), в то время как из газет, журналов и телевидения - 39%, из художественной литературы - 31%. В предложенном нами списке самых разнообразных популярных фигур "наиболее авторитетными в вопросах религии, морали и смысла жизни" были указаны А.Солженицын (на первом месте, 15%), Д.Лихачев (14%), врач Н.Амосов (13%), тележурналист В.Молчанов (11%) и лишь пятое место занял патриарх Алексий II (10%). Движение идет от идейных процессов в интеллигенции и Солженицын при втором, обратном движении маятника - это функциональный эквивалент Чернышевского при первом.

Однако, хотя движение к религии идет от интеллигенции, религиозность самой интеллигенции в среднем ниже, чем в населении в целом. Опросы всех трех лет показали устойчивую негативную корреляцию религиозности и образования (см.таблицу 5).

Таблица 5.

Удельный вес верующих и атеистов в разных образовательных группах

	Незаконченно высшее		Среднее общее		Среднее специальное		Высшее	
	1991	1992	1991	1991	1991	1992	1991	1992
Верю в Бога	34	49	33	44	27	44	26	34
Атеист	21	3	14	5	11	5	16	10

Если исходить только из этих данных, мы вообще не могли бы прийти к мысли, что современное движение к религии идет от интеллигенции (хотя это в общем - очевидный факт). Только ответы на другие, конкретные

вопросы позволяют выявить более серьезный и глубокий характер интеллигентской религиозности. Так, хотя и в 1991, и в 1992 годах процент объявивших себя верующими среди лиц с высшим образованием значительно ниже, чем в населении в целом, процент лиц, соблюдающих основные требования религии, проявляющих свою религиозность в каких-то реальных действиях, среди интеллигенции - не меньше. Например, в 1991 году ежедневно молились в населении в целом - 4%, среди интеллигенции - 5%, в 1992 году - 10% и 8%, соблюдали пост в 1991 году соответственно - 6% и 6%, в 1992 году - 7% и 6%, посещали богослужение в 1992 году раз в неделю - 2% и 2%, раз в месяц - 8% и 8%. Таким образом, хотя верующих среди интеллигентов меньше, но верят они - серьезнее.

При этом интеллигенция крайне неоднородна. Отношение к религии представителей отдельных интеллигентских профессиональных групп очень разное. Среди работников культуры, например, и в 1991, и в 1992 гг. верующих было значительно больше, чем в населении в целом (в 1991 г. среди них было 44% верующих, в то время как в населении - 29%, в 1992 г. - 46% при 40% в населении). Очевидно, здесь сложилась определенная религиозная субкультура и распространение религии в значительной мере идет из этого слоя.

Таким образом, от интеллигенции идет новое религиозное движение и интеллигенцию же этому движению труднее всего подчинить, как раньше от интеллигенции распространяли марксистский атеизм и интеллигенцию же ему было особенно трудно "завоевать". И опять-таки, как и раньше, когда рабочий или мелкий служащий очень легко убедился в том, что религия - опиум для народа, так и сейчас отступление атеизма и наступление религии особенно быстро идет среди менее образованных слоев.

"Маятникообразный" характер нашего движения к религии, "симметричность" теперешнего хода маятника его предшествующему ходу от религии, вызывает гротескный образ будущего, который в какой-то мере уже воплощен в жизнь: российские чины, начиная с президента, стоят со свечкой в православном храме, дети учат в школе Закон

Божий, новое предприятие обязательно освящается, а человек, объявляющий себя неверующим, ставит крест на своей карьере.

Но действительно ли такое будущее нам суждено? До какой отметки дойдет движение маятника? Сейчас у нас 40% верующих - громадный рост за несколько лет. Значит ли это, что, например, к 2000 году их будет уже 80 или 90%? Это - важнеейшие вопросы нашего будущего и попытаться ответить на них значительно интереснее и важнее, чем констатировать и так, в общем-то, очевидную тенденцию роста религиозности. Попытаемся это сделать.

Прежде всего, на наш взгляд, возвращению маятника к "дореволюционному положению" препятствует наличие сильного, влиятельного (более образованного) и сопротивляющегося новой волне атеистического меньшинства, заставить которое перейти на религиозные позиции очень трудно.

Данные таблицы 5 говорят о значительном сопротивлении религии в среде интеллигенции. Более того, вполне вероятно, что это сопротивление начинает возрастать.

У нас в выборку попало лишь немного людей с учеными степенями, поэтому по данным об их мировоззрении судить о всем слое обладателей научных степеней трудно. Тем не менее, данные эти весьма показательны. В 1991 г. среди попавших в выборку лиц со степенями 15% были верующими и 19% - атеистами. А в 1992 г. верующих среди них было 19%, атеистов уже - 31%.

Если это только не результат случайности, связанной с малым числом охваченных нашими опросами лиц данной категории, то в самой образованной, "элитарной" интеллигентской группе уже возникла реакция на волну новой религиозности. В принципе, такое явление вполне возможно. Наиболее образованная группа идет впереди и идущая от нее идеологическая волна может завоевывать новые социальные пространства, в то время как в самой этой группе уже началось противоположное движение. Если это так, то распространение новой религиозной волны уже достигает своих "социальных границ" и (поскольку мы не предвидим массовой физической расправы с атеистами, подобной той,

когда были уничтожены, сломлены или уехали за границу представители начавшегося в интеллектуальных кругах "религиозного возрождения") вскоре от интеллигенции пойдет новая антирелигиозная волна.

Еще прочнее, чем атеизм, держатся те общефилософские, мировоззренческие взгляды, которые объективно, логически не совместимы с религиозной верой и исчезновение которых в исторически обозримом будущем еще менее вероятно, чем исчезновение атеизма. Среди задававшихся нами в 1992 г. вопросов был следующий: "Что способно спасти человечество от зол и бед?" Отвечавшие должны были выбрать один из нескольких предложенных ответов. Вот как распределились эти ответы. (См. таблицу 6.)

Таблица 6.

Что способно спасти человечество от зол и бед?

	Научно-технический прогресс, созидательная деятельность человека	Второе пришествие Христа	Возвращение к национальным традициям	Развитие контактов с внеземными цивилизациями
Население в целом	38	12	18	4
Лица с высшим образоваением	48	9	15	2
Православные верующие	18,4	24,5	24,5	6,1

Мы видим, какая сила у прогрессистско-гуманистического мировоззрения, основной принцип которого попрежнему разделяется значительно большим числом лиц, чем религиозные догматы.

Если продолжать использовать модель маятника, то можно сказать, что при каждом своем новом ударе он поднимается до несколько меньшей отметки. Каждый раз от "предшествующего мировоззрения" в обществе, в сознании людей остается больше. Марксистский атеизм так и не смог достичь средневековой ситуации тотального господства одной идейной системы, религия так и не была ликвидирована до конца; сохранились какие-то, пусть небольшие, ее плацдармы - в церкви, в русской классической культуре, которая, несмотря на все попытки ее "переинтерпретации", самим своим бытием противостояла тотальному господству марксизма. Сейчас, очевидно, сохранятся "плацдармы" атеизма еще более мощные и прочные, чем оставшиеся при предшествующей волне плацдармы религии - и в виде значительного и социально активного атеистического меньшинства, и в виде прочных остатков гуманитически-прогрессистского мировоззрения в сознании не атеистической и даже формально-религиозной части общества.

Другим свидетельством "затухания" колебаний маятника является то, что наступающая религиозность очень быстро, ускоренными темпами, превращается в чистую формальность. Вообще процесс "порчи" мировоззрения по мере завоевания им масс многократно повторялся в истории, и при атеистическом движении, предшествующем нынешнему религиозному, различия между участниками дореволюционных марксистских кружков и позднейшим победившим и ставшим конформистским и формальным марксизмом тоже были очень велики.

Но происходящая сейчас девальвация и формализация понятия "вера в Бога" по своим масштабам и темпам, несомненно, значительно больше.

На таблице 6. мы видели, как реально невелика религиозная вера у тех, кто сейчас называет себя верующими, какое скромное место в их сознании занимает надежда на Бога. Таблица 7 показывает, как понимается религия и вера нашими современниками и особо - верующими современниками, как мало собственно религиозного

содержания вкладывается в это понятие. Опрощенным было предложено выбрать из ряда понятий то, которое наиболее адекватно раскрывает, чем для него является религия.

Таблица 7.

	Мораль	Личное спасение	Культура	Верность традициям	Мировоз-зрение	Служение людям
Население в целом	32	9	20	10	8	12
Православ-ные верующие	28,6	20,4	20,4	2	8,2	16,3

Мы видим, что сама религия подавляющим большинством, в том числе и православных верующих, понимается "не религиозно", а социально-утилитарно, как средство поддержания культуры и морали. Большинство новых верующих называют себя верующими не столько потому, что они действительно верят в Бога и неотделимые от веры в Бога основные положения религиозного мировоззрения, а потому что считают, что религия - полезна для общества и быть верующим - хорошо (и, очевидно, в громадной мере - и потому, что это стало "респектабельно"). Такое понимание вполне согласуется с сохраняющимися прочными позициями прогрессизма и гуманизма, но не может быть основой настоящей, глубокой и искренней веры.

Поэтому, хотя называющих себя верующими - 40%, как только мы задаем вопросы, конкретизирующие эту веру, доля лиц, дающих "религиозные ответы", резко падает, причем драматический рост числа верующих за последний год не сопровождается ростом институциональной религиозности, ростом числа людей, у которых вера выражается в каких-то действиях. См.таблицу 8.

Таблица 8.

	Верю в ад и рай	Ежедневно молюсь	Хожу на богуслужение не реже 1 раза в месяц	Причащался в течение последних двух лет	Соблюдаю пост
1990г	14%	10%	10%	—	—
1991 г	11%	4%	9%	12%	6%
1992 г.	12%	10%	10%	17%	7%
1991 г. (верующие)	25%	22%	21%	30%	14%

Посещение церкви, соблюдение постов и т.д., как мы видим, практически не растут и остановились на довольно низком уровне. Но мы можем сделать еще один шаг и выяснить, "что привлекает Вас в храме". Даже среди верующих преобладают такие ответы на этот вопрос как " благолепие" (39%), "отстраненность" (28%). Ради молитвы в церковь ходят только 18% верующих, ради проповеди - 9%.

Таким образом, у громадного числа лиц, даже идентифицирующих себя как верующие, вера практически не наполнена никаким конкретным содержанием. Более того, этого наполнения и не происходит. По мере своего "расширения" вера становится все более поверхностной, "пустой". К сожалению, у нас нет возможности сравнить данные о "старых" верующих (не старых по возрасту, но ставших верующими до подъема новой религиозной волны) и "молодых". Но практически несомненно, что вера "новых" значительно поверхностнее веры "старых", ибо в мотивах, по которым сейчас люди стали так часто называть себя верующими, очень много от конформизма, следования за "модой", причем реально сознание и поведение совершенно не меняются.

Это проявляется и в еще одной интересной тенденции. В 1991 и 1992 гг. мы предлагали респондентам определить свое отношение к религии, выбрав одну из следующих категорий - "верующие", "колеблющиеся между верой и неверием", "верящие, но не в Бога, а в сверхъестественные силы" и "атеисты". Данные 1991 г. говорят о большом различии между этими категориями. В частности, "верящие в сверхъестественные силы" значительно больше, чем представители других категорий, верили в телепатию, астрологию и другие подобные квазинаучные и квазирелигиозные мифологемы. В 1992 г. ситуация изменилась. Мы можем видеть эти изменения на таблице 9.

Таблица 9.

	Верю в Бога		Колеблюсь между верой и неверием		Верю не в Бога а в сверхъестественные силы		Атеист	
	1991	1992	1991	1992	1991	1992	1991	1992
Восточная мудрость играет роль в моей жизни	25	23	16	15	19	21	12	9
Верю в переселение душ	12	13	10	12	11	10	2	2
Верю в экстрасенсов	21	27	20	21	25	23	13	7
Верю в телепатию	67	68	63	68	80	73	54	49
Верю в астрологию	57	60	50	60	55	62	26	27
Верю в НЛО	51	50	59	46	61	55	32	23

Таким образом, в отличие от 1991 г. процент верящих в эти мифологемы среди верующих в Бога и верящих в сверхъестественные силы практически сравнялся. Напротив, среди атеистов вера во все эти религиозные эрзацы падает. Что это значит? На наш взгляд, это связано не с распространением или уменьшением веры в данные мифологемы: вера в них, безусловно, растет. Дело в другом - в том, что слово "верующий" становится все более "нормальным", "респектабельным", "приличным", а слово "атеист" - неприличным. Из атеистов люди "уходят", процент "верующих" растет, но реальное мировоззрение, отношение к миру не меняется (или меняется значительно медленнее). В результате атеизм "очищается" от тех, кто определял себя атеистом скорее из конформистских соображений, вера - "замутняется". И это "замутнение" идет быстрыми темпами, говорящими об относительной слабости нового религиозного движения, его неспособности достичь ни степени духовной монополии, которой обладал атеистический марксизм, ни тем более изначальной, старой духовной монополии религии. Возврат к средневековью нам совершенно не угрожает.

Наряду с сопротивлением старого мировоззрения - и в его ясной, открытой форме, и в скрытой форме сохранения старых мировоззренческих принципов, сочетающихся с новой религиозностью, и "засорением" веры квазирелигиозными мифологемами - возвращению к исходной ситуации господства православия препятствует и сильное, и даже усиливающееся недоверие к Русской православной церкви (РПЦ).

Кроме вопроса "Верите ли вы в Бога", мы предлагали респондентам выбрать конфессиональную идентификацию - "христианин вообще", православный, баптист, католик и т.д. Результаты, которые мы получили в 1991 и 1992 гг., были для нас неожиданными. См. таблицу 10.

Таблица 10.

Конфессиональная самоидентификация

Считаете ли вы себя	Москва			Псков			Всего		
	1990	1991	1992	1990	1991	1992	1990	1991	1992
христианином вообще	22	42	52	12	60	53	22	47	52
православным (Московская патриархия)	43	14	12	57	7	14	46	8	9
православным (Российская свободная православная церковь)	43	11	5	57	10	4	46	11	6
католиком	0	1	1	0	2	0	0	1	1
старообрядцем	0	1	0	1	2	0	0	1	0
баптистом или протестантом другой конфессии	0	0	1	0	0	0	0	0	1
приверженцем буддизма, индуизма, кришнаизма	1	1	1	0	2	1	1	2	1

В 1990 г., как видно из этой таблицы, лиц, называющих себя православными, было больше, чем называющих себя верующими, обращение к религии было прежде всего обращением к православию, нашей национальной вере, с которой связана вся наша культура и история. Но далее

происходит нечто удивительное - число православных резко падает и быстро растет число лиц, считающих себя христианами, но не православными. Безусловно, часть из них просто не понимает различия между понятиями "христианин" и "православный". Больших отличий в ответах на другие вопросы между верующими православными и верующими христианами нет (хотя верующие православные все же показывают несколько большую ортодоксальность), различия между верующими в целом и колеблющимися - значительно больше. И все же такой рост числа лиц, предпочитающих самоидентификацию "христианина", а не "православного" - не просто недоразумение, результат непонимания респондентами употребляемых терминов. Об усиливающемся "отталкивании" от РПЦ свидетельствует и другой факт, который также виден на таблице 10.

В 1991 г. мы предложили респондентам самоидентифицировать себя не просто как православных, но отдельно как православных, приверженцев Московской патриархии, и православных, приверженцев Российской свободной православной церкви. Результат был также неожиданным. Меньше всего мы могли предположить, что Свободную православную церковь выберет больше людей, чем Московскую патриархию. Опрос следующего, 1992 г. все же дал большинство приверженцев Московской патриархии, но небольшое. Мы отчетливо понимаем, что подавляющее большинство отождествляющих себя со Свободной православной церковью никогда и не слыхало о "карловацкой" зарубежной церкви, о приходах которой идет речь. Но это не значит, что такой вопрос бессмысленен. Ведь о Московской патриархии они, скорее всего, представление имеют. Поэтому, хотя отождествление со "свободной церковью" еще не говорит о распространении "карловчан", оно все же свидетельствует о некотором отталкивании от российского православия, о положительной реакции на слово "свободный" в сочетании со словом "православный".

В чем же причины такого явления? Они достаточно ясны. Это историческая традиция российского православия, сначала - просто связавшего себя с самодержавием, а затем не менее прочно - с коммунистической номенклатурной иерархией, своеобразной частью которой стала сама иерархия РПЦ. Антикоммунистическая (и антиатеистическая) волна влечет

людей к религии и, естественно, прежде всего к "нашей" церкви, к РПЦ. Но оба компонента этой волны - и антикоммунистический, "реставрационный", ориентированный на докоммунистическое прошлое, и демократический и "западнический", отталкиваются от РПЦ, в традиции которой нет ни связи с демократией, ни достаточно бескомпромиссного антикоммунизма. Первоначальная увлеченность православием падает, чему способствуют, очевидно, и появившиеся разного рода разоблачительные материалы о связях церковной иерархии с КГБ и "безбожной" властью. Эти возникшие сомнения в РПЦ видны из ответов на вопросы, обобщенные в таблицах 11 и 12.

Таблица 11.

Оценка социальной роли РПЦ

	Согласны ли Вы с тем, что РПЦ содействует				
	поднятию морального уровня, воспитанию молодого поколения	сохранению национального сознания народа, его самобытности, национального достоинства	поднятию культурного уровня народа	развитию демократии	управлению государством
1990	81	70	—	39	44
1991	63	60	—	28	26
1992	70	57	43	25	16
1992 верующие	79	63	54	31	21

Из таблицы 11 видно, что пик положительных оценок роли РПЦ - 1990 год. Далее эйфория несколько уменьшается. При этом оценки непосредственно социально-политической роли РПЦ не велики даже среди верующих.

В 1992 г. мы задали еще один, более общий и "лобовой" вопрос о роли РПЦ. Ответы на него обобщены в таблице 12.

Таблица 12.

Отношение к РПЦ

	Считаете ли Вы, что:		
	РПЦ - здоровая сила общества	РПЦ имеет много недостатков	РПЦ достигла крайней степени разложения
Население в целом	14	42	8
Верующие	22	45	7

Людей, видящих в РПЦ здоровую силу общества, меньшинство не только в населении в целом, но и среди верующих. Ясно, что такая оценка препятствует возвращению духовной монополии православия, равно как и появлению прочного православного большинства.

Очевидно, неспособность нашего православия привлечь к себе те широкие массы, которые сейчас оттолкнулись от атеизма, означает, что Россия в настоящее время представляет собой страну с очень многообещающими перспективами для иноцерковной и иноконфессиональной миссионерской деятельности. Недаром Московская патриархия предпринимает такие большие усилия по созданию законодательным путем помех для этой деятельности, пытаясь компенсировать недостаток духовной силы силой правовой, "физической".

Очевидно, неплохие перспективы у "карловчан" (Свободной православной церкви). Та громадная масса людей, которая в целом предпочитает православие, как нашу истори-

ческую религию, но избегает идентификации с Московской патриархией, составляет потенциальный источник роста "карловацкой" церкви.

Очевидные перспективы имеются и у других конфессий и религий. Посмотрим на таблицу 13.

Таблица 13.

Отношение к вероисповеданиям и религиям
(+ — положит., - — отриц.)

	Москва						Псков				Всего					
	1990		1991		1992		1991		1992		1990		1991		1992	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Право-славие (РПЦ)	75	1	64	2	65	3	56	3	59	1	71	2	56	2	54	2
Право-славие (рос.своб. церковь)	75	1	54	3	44	4	46	3	39	2	71	2	49	3	45	3
Католи-цизм	35	10	34	9	27	6	23	5	24	6	20	7	26	6	24	5
Баптизм	15	19	27	15	20	11	12	12	10	9	16	11	18	12	18	7
Мусуль-манство	23	16	25	15	17	13	12	9	12	7	19	10	21	11	19	8
Иудаизм	40	17	27	12	19	10	11	8	12	8	17	11	18	10	17	7
Буддизм, индуизм	37	8	35	8	22	8	19	6	14	6	28	4	26	6	20	5
Атеизм	-	-	-	-	16	21	-	-	18	14	-	-	-	-	16	21

Таблица показывает в целом доброжелательное отношение ко всем религиям (кроме атеизма, который мы

тоже включили в список религий). Естественно, самое доброжелательное - к православию. Но из всех других религий и конфессий на первом месте стоит католицизм. Сходную картину дает и отношение людей к переходу в другие религии.

Таблица 14.

	Как Вы относитесь к переходу в:							
	православие		католицизм		баптизм		восточные религии	
	пол.	отр.	пол.	отр.	пол.	отр.	пол.	отр.
Население в целом	46	4	19	7	16	10	17	8
лица 16-17 лет	52	2	27	8	21	11	27	5
Лица старше 60 лет	38	9	10	9	7	12	8	8

Данная таблица также демонстрирует значительную религиозную терпимость, причем среди молодежи - большую, чем среди населения в целом, и особо благожелательное отношение к католицизму.

Хорошие перспективы русского католицизма подтверждают и другие данные. Так, на вопрос: "какая религия может в наибольшей степени способствовать возрождению страны?" большинство выбирает православие (58%) и многие "затрудняются ответить" - 36%.

Здесь разрыв между православием и другими религиями больше, чем при определении "положительного" и отрицательного" отношения, ибо вопрос подразумевает оценку реальных возможностей религии. Тем не менее 1% выбрал католицизм, а среди молодежи 16-17 лет удельный вес выбравших православие снижается до 55%, выбравших католицизм - возрастает до 3%. В какой-то мере о перспективах католицизма говорит и сравнение индексов популярности Алексия II и Иоанна Павла II. По 5-балльной шкале средняя оценка Алексия II в 1991 г. была 3,5, Иоанна

Павла II - 3,3, в 1992 г. - 3,3 и 3,2 (среди верующих - 3,4 и 3,3).

Перспективы баптизма выглядят значительно скромнее, чем католицизма. На первый взгляд, это странно, ибо баптистские принципы демократии и протестантский "дух капитализма", вроде бы, должны сейчас привлекать к баптизму. Но этого не происходит. Очевидно, причины здесь две. Во-первых, "эстетическая": громадную роль в мотивах прихода в церковь у нас играет "красота богослужения", "благолепие", которых для русского человека у баптистов - недостаточно. Во-вторых, созданный долгими годами и православной, и коммунистической пропаганды образ баптизма как простонародной фанатичной секты.

Привлекают внимание и большие симпатии к буддизму и индуизму, особенно - у молодежи. Буддизм, по симпатиям к нему населения, опережает баптизм; и среди лиц 16-17 лет 3% даже связывают с ним перспективы "возрождения нашей страны" (столько же, сколько связывают их с католицизмом).

В целом же несомненно, что в будущем Россия станет значительно более религиозно-плюралистическим обществом, чем в прошлом и сейчас - не говоря уже о том, что в нем, несомненно, сохранится значительное атеистическое меньшинство. Католицизм, например, вполне имеет шансы стать крупной русской конфессией. Образуются, наверное, новые общины русских буддистов, кришнаитов и, может быть, даже мусульман. Но ясно, на наш взгляд, и другое. Шансов на то, что отшатнувшаяся от атеизма, но отталкивающаяся и от православия масса в большинстве своем обратится в католицизм или буддизм, практически нет.

Но если от атеизма отшатнулось большинство, к православию из этого большинства идет меньшинство (и даже, похоже, уменьшающееся меньшинство), а к другим религиям, даже при самых благоприятных для них условиях, может прийти меньшинство совсем незначительное, то что же происходит и будет происходить с большинством?

Ясно, что большинство (возможно, даже подавляющее) пребывает и будет пребывать в мировоззренчески неопределенном состоянии. Несмотря на бурный рост числа лиц, идентифицирующих себя как верующих, большинство определяет себя не как верующих или атеистов, а как колеблющихся между верой и неверием, верящих не в Бога, а в

сверхъестественные силы, и людей религиозно индифферентных. В 1991 г. всех тех, кто не идентифицировал себя ни как верующих в Бога, ни как атеистов, было 60%, в 1992 г. - 52%.

Характерно также, что эта группа лиц с "межумочным", неопределенным мировоззрением сосредоточена скорее в "перспективных" слоях населения - более молодых и более образованных. (См. таблицу 15.)

Таблица 15.

Удельный вес лиц, не определяющих себя ни как верующие, ни как атеисты

			лица 16-17 лет		лица свыше 60 лет		лица с незаконченным средним образованием		лица с высшим образованием	
1990	1991	1992	1991	1992	1991	1992	1991	1992	1991	1992
55	60	52	58	51	45	41	45	48	58	56

Процент лиц, не определяющих себя ни как атеисты, ни как верующие, за последние годы не растет. В 1991-92 гг. он даже упал в связи со значительным возрастанием числа "верующих". Но если принять во внимание, что этот бурный рост не сопровождается ростом "ортодоксальности" и соблюдением предписываемых церковью норм, что по мере расширения "веры" ее средняя интенсивность падает, то можно сказать, что реально лиц с неопределенным мировоззрением неизмеримо больше. Это - именно подавляющее и даже растущее большинство. (Рост числа лиц, определяющих себя как христиане и уменьшение удельного веса "православных" - явление той же категории).

Что же конкретно представляет собой мировоззрение этого большинства? Это мировоззрение эклектическое, сочетающее логически не связанные между собой элементы:

сохраняющуюся веру в науку и прогресс с достаточно неопределенной верой в Бога, конфессиональным предпочтением православия, но большой симпатией и к другим религиям, в том числе к совсем далеким от православия - буддизму и индуизму. Особо большую роль в нем играют квази- и паранаучные, квази- и парарелигиозные мифологемы, что вполне естественно, ибо само это мировоззрение - квазинаучно и квазирелигиозно. Громадную роль этих мифологем можно видеть на таблице 16.

Таблица 16.

		Верю в переселение душ	Верю в экстрасенсов	Восточная мудрость играет роль в моей жизни	Верю в телепатию	Верю в НЛО	Верю в астрологию	Верю в порчу, сглаз, похищение биоэнергии
Население в целом	1990	8	20	19	59	39	49	—
	1991	9	20	19	66	47	53	—
	1992	11	22	19	66	46	56	67
Лица 16-17 лет	1991	25	21	28	68	77	51	—
	1992	27	28	30	76	63	60	68
Лица с высшим образованием	1991	8	18	18	70	44	57	—
	1992	9	20	20	70	45	58	63

Мы видим, что вера во все эти пара- и квазинаучные мифологемы растет, и сегодня вера в некоторые из них распространена значительно больше, чем вера в Бога. Верующих в Бога - 43%, а в "похищение биоэнергии" - 67%, в астрологию - 56%. Мы уже не говорим о вере в ад и рай или во второе пришествие Христа - эти компоненты христианской веры никакой конкуренции с "похищением биоэнергии" не выдерживают. Из всех элементов христианской веры прочные позиции - лишь у веры в чудеса, явления Богоматери, исцеления - 24% в 1991 г. и 34% в 1992 г. и у веры в дьявола -

1% и 29%. Но если мы сопоставим удельный вес верящих в чудеса с удельным весом верящих в рай и ад (11% и 12%), то поймем, что вера в чудеса и дьявола навеяна не столько учением церкви, сколько фильмами типа "Экзорцист" и "Омен". Иными словами, психологически эта вера находится в одном ряду с "похищением биоэнергии".

Как всякая "передовая" и растущая идеология, вера во все эти квазинаучные и квазирелигиозные мифологемы концентрируется скорее в более молодых возрастных категориях, и хотя нельзя сказать, что более образованные склонны верить в это больше, чем менее образованные, но разница между теми и другими не столь уж велика.

В аморфной массе паранаучных верований идет постоянное "броуновское движение". Появляются и исчезают Кашпировские, возникают, бурно растут и "лопаются" культики тех или иных приезжих гуру или святых старцев "с сильным биополем". Но сфера этой мировоззренческой неопределенности, эклектизма растет и, судя по всему, будет продолжать расти. Возвратное движение маятника к религии и православию совершается сейчас на общем фоне этого роста, как потом, когда сила инерции этого движения иссякнет, тоже на фоне этого роста будет идти, скорее всего, новое движение от религии. Каждое такое движение идет на более высоком уровне общей "эклектизации" сознания и поэтому каждое такое движение является более слабым, оно совершается при все усиливающемся "сопротивлении среды".

Что же означает этот процесс "эклектизации"? Мы не будем здесь подробно вдаваться в его глубокие и общие причины. Процесс этот - всемирный. Он начался не сегодня, а очень давно, при первых признаках появления в христианской цивилизации религиозной терпимости, сомнений в абсолютной истинности своих собственных убеждений. Он постепенно охватывает весь мир, идет по нарастающей и кончится не завтра (и чем кончится - неясно). Он питается такими глубокими основаниями нашей цивилизации, как постоянный рост науки, подрывающей всякого рода догматические идеологии (и в том числе - и догматическую, квазирелигиозную веру в саму науку), рост коммуникаций, делающий чужие и странные верования, вроде буддизма, ближе и понятнее, и соответственно - "релятивизирующий" наши собственные. Во всем мире растет

мировоззренческая терпимость, "релятивистское" отношение к собственным убеждениям, аморфность и эклектизм мировоззрений, лабильность их компонентов. Во всем мире становится меньше догматичных атеистов и догматичных верующих.

Но у нас этот процесс имеет свои особенности. На Западе идет медленное и постепенное "размягчение" целостных идеологий - и религиозных и нерелигиозных. Но идеологии эти все же довольно стойки, они развиваются, приспосабливаются ко времени. У нас же, в силу особого "культурного кода", "исторические" идеологии - православие и российский вариант марксистского атеизма были особенно жестки, догматичны, они не развивались, а "ломались". Сначала очень быстро распалась массовая православная религиозность - ослабленная своим долгим монопольным господством "неподвижная" церковь оказалась колоссом на глиняных ногах. Монопольное господство приобрел марксизм, которого это монопольное господство скоро превратило в набор ничего не значащих формул, распавшийся в одночасье. Но и православие, на наш взгляд, уже не может подняться. Распад марксизма - быстрый, "обвальный", а рост православия - относительно слабый, не поспевающий и не способный поспеть за развалом марксизма, не способный заполнить образовавшийся идеологический вакуум. Поэтому зона мировоззренческой эклектики, энтропии, расширяющаяся во всем мире, у нас достигает особо больших размеров. Здесь мы, очевидно, - "впереди планеты всей".

Это своеобразие нашей духовной, общемировоззренческой ситуации должно найти какое-то отражение и в политической жизни. Посмотрим теперь, как связаны наши общемировоззренческие процессы с политическими, как отношение к религии определяет отношение к политике и, наоборот, определяется им.

Политика.

Итак, в религиозной сфере мы видим две основные тенденции, два основных движения. Первое - это движение к религии, современный ход "религиозно-атеистического маятника". Второе - идущее не "волнами", "не маятнико-

образное", а постоянно усиливающееся, поступательное и "забивающее" первое, не дающее "маятнику" вернуться в исходное положение движение, которое, в зависимости от предпочтений наблюдателя и исследователя, может быть названо и движением к "открытому", "адогматическому" сознанию, и движением к духовной эклектике, к мировоззренческой энтропии. В свою очередь, каждое из этих движений состоит из многих частных движений и процессов. Так атеизм не просто отступает, но отступает у молодежи быстро, у старшего поколения - медленно, причем темпы отступления замедляются и процент атеистов, склонных к вере в современные квазинаучные мифологемы - падает; религия не просто наступает, но в процессе этого наступления сознание среднего верующего становится более эклектичным и т.д. Есть ли всем этим процессам какие-то эквиваленты в политической сфере?

Безусловно, имеются. Религиозная сфера не есть нечто изолированное, и совершающиеся в ней процессы - это особые аспекты каких-то более общих процессов в сознании, у которых должны быть и политические, и эстетические, и другие аспекты. Другое дело, что связь между процессами в разных сферах сознания далеко не всегда лежит на поверхности.

При этом наш порядок изложения, а именно от религии к политике, разумеется, не значит, что мы считаем религиозные процессы причиной, а политические - следствием. Такая последовательность связана лишь с особыми религиоведческими интересами и задачами данной работы. С равным правом можно было бы начать с политики, ибо связь здесь не казуальная, а функциональная. Итак, с какими же политическими процессами связаны описанные выше процессы в религиозном сознании?

Прежде всего, ясно, что всеобщий отход от атеизма - это аспект столь же "обвального" отказа от коммунистической идеологии, компонентом которой был этот атеизм, религиозный аспект волны антикоммунизма.

Размеры этой волны достаточно очевидны, но мы все же приведем полученные нами в опросе 1992 г. данные об отношении к коммунизму. (См. таблицу 17.)

Таблица 17.

Отношение к коммунистической идеологии

	С каким мнением Вы согласны?					
	Коммунисты правы. Хорошо, если бы они вернулись к власти	Я не разделяю взглядов коммунистов, но считаю, что не нужно обвинять их во всех грехах. Они наши сограждане, с ними нужно уметь жить	Необходим общественный суд над КПСС, бывшим партработникам нельзя доверять общественных постов	Отношение к слову: "социализм" + -	"марксизм" + -	Готов голосовать за коммунистов на выборах
Население в целом	7	35	36	16 41	6 48	5
16-17 лет	3	36	34	11 48	7 44	1
Св.60 лет	10	40	32	22 30	10 36	10
Неполное среднее образование	5	31	32	12 45	7 42	5
Высшее образование	8	38	38	19 43	8 53	5
Верующие	4	30	40	12 44	4 50	2
Атеисты	17	35	36	33 32	18 39	15

Мы видим громадное падение числа приверженцев коммунистической идеологии, причем идущее параллельно отступлению атеизма как во времени, так и в "социальном пространстве". Отход от атеизма наиболее заметен у молодежи, меньше - у старшего поколения, больше - у необразованных, меньше - у образованных. И так же происходит отход от коммунистической идеологии - быстрее у молодежи и необразованных, труднее - у старых и

образованных. Из таблицы 17 видно; хотя вовсе не большинство атеистов являются коммунистами, атеисты все же - наиболее "прокоммунистическая" из различающихся по своему отношению к религии групп населения. Это подтверждается и ответами на другие вопросы. Разберем, однако, политические позиции атеистов более подробно.

Мы обобщаем данные о политических взглядах населения в целом, верующих и атеистов в большой таблице 18.

Таблица 18.

	Население в целом	Атеисты	Верующие
1. В западных странах создано наилучшее из всех возможных обществ. Нам следовало бы не выдумывать своего пути, а следовать за Западом	14	9	11
2. Мы очень своеобразная страна. Мы должны искать свои пути развития	71	78	72
3. Ни в коем случае не следует отказываться от социалистического строя (1991 г.)	28	34	25
4. Октябрьская революция самого начала была преступлением перед народами России (1991 г.)	37	30	37
5. Многие люди сейчас богатеют нечестными путями. Но они своей деятельностью способствуют развитию рынка. Это переходный период, потом все наладится	21	20	18
6. Всякого рода жулики, теневики и спекулянты не могут быть основой цивилизованного общества. С ними нужно беспощадно бороться. Если уж создавать рынок, то на основе высоких моральных стандартов	63	66	66
7. Рынок - наиболее эффективная система хозяйствования, нужно как можно скорее, несмотря на издержки, установить полную свободу рыночных отношений	23	23	21

	Население в целом	Атеисты	Верующие
8. Рынок не нужно делать догмой. В первую очередь нельзя допускать спада производства, обнищания. Рынок следует вводить постепенно, насколько этого требует жизнь	51	58	51
9. Следует вернуться к государственной плановой экономике	8	9	10
10. Следует обязательно стремиться к тому, чтобы наша страна вновь стала сильной и могучей державой с крепкой армией (1991)	да 72 нет 22	71 22	77 17
11. Единство и целостность России - одна из важнейших ценностей, президент РФ не должен церемониться с сепаратистами в краях, областях, автономных республиках	17	17	21
12. Единство и целостность России не имеет самостоятельной ценности. Если отдельные меньшинства или регионы хотят выделиться, это их право	9	8	4
13. Без возрождения СССР народы, его населяющие, ждут неисчислимые беды. Нужно сделать все, не останавливаясь даже перед применением военной силы, чтобы его восстановить	19	20	21
14. Союз республик не нужен Чем быстрее независимые государства (бывшие союзные республики) разделятся, тем лучше	15	12	4
15. Россия должна защищать интересы русских в других бывших республиках СССР любыми средствами, вплоть до применения в крайних случаях военной силы и изменения границ	19	18	25
16. Россия не должна вмешиваться во внутренние дела других независимых государств даже в том случае, если там грубо нарушаются права русских	5	5	7

Индекс популярности политических деятелей по 5-балльной шкале (1991)			
17. Николай II	3.06	2.84	3.17
18. Ленин	3.04	3.68	3.06
19. Сталин	2.30	2.48	2.44
20. Андропов	3.11	3.40	3.19
21. Ельцин	4.08	4.01	4.11
22. Афанасьев	3.10	2.97	3.13
23. Гдлян	3.41	3.24	3.40
24. Собчак	3.72	3.57	3.65
25. патриарх Алексий	3.54	3.28	3.71

Как видно, по всем этим вопросам есть заметное отклонение позиций атеистов от позиций большинства населения, и отклонение в сторону, считающуюся у нас сейчас "реакционной", "красно-коричневой". Атеисты - менее прокапиталистичны, прорыночны, чем большинство населения, настроены более "великодержавно" и шовинистически, более склонны подчеркивать своеобразие России. "Великодержавность" не очень вяжется с марксистской идеологией периода "классиков марксизма", но вполне естественна в группе лиц с сильными марксистскими и социалистическими мировоззренческими тенденциями, если принять во внимание реальное функционирование марксистского атеизма в России как национальной и "имперской" идеологии. Понятно, что они в 1991 г. значительно ниже, чем большинство народа, оценивали тогдашних кумиров мократов.

Атеизм и коммунистическая идеология - это прошлое, отсюда маятник начал свое движение к религии. Каков же политический аспект этого движения?

На первый взгляд, может показаться: поскольку верующие и атеисты - противоположные по самым основным, глубоким мировоззренческим принципам группировки, то и их политические позиции должны быть предельно удалены

друг от друга. На самом деле, это далеко не так. Имеется, действительно, большая группа вопросов, в ответах на которые атеисты и верующие отклоняются от средней позиции (и позиции людей со "средним" мировоззрением) в противоположные направления. Таковы, например, вопросы о коммунистах, о социализме и марксизме, ответы на которые обобщены в таблице 17. Это также вопрос о том, следует ли отказываться от социализма, и оценки таких политических фигур, как Николай II, патриарх Алексий, Ельцин (что очень примечательно и важно) и почему-то Афанасьев. Наконец, это группа вопросов, относящихся к идее восстановления монархии и государственной церкви, ответы на которые обобщены в таблице 19.

Таблица 19.

	Население в целом	Верующие	Атеисты
Какие эмоции вызывает у Вас слово "самодержавие"?			
положительные	9	12	7
отрицательные	43	38	61
Как Вы относитесь к идее восстановления монархии в России?			
положительно	10	13	7
отрицательно	40	29	66
Национальные, традиционные религии, как православие и мусульманство должны иметь больше прав, чем новые для нашей страны религии(баптизм, католицизм)	11	13	7
Положительное отношение к участию Церкви в политической жизни	37	43	28
Положительное отношение к присутствию священников в армии, тюрьме и т.д.	63	71	40
Церковная школа лучше государственной	12	20	2

Почему в ответах на эти вопросы верующие и атеисты проявляют противоположные тенденции - ясно. У атеистов

сохраняется ностальгия по временам господства атеистического марксизма, у верующих - по временам господства религии. Но этот круг вопросов - довольно узок и сами они носят во многом "символический" и "теоретический" характер. Восстановление монархии в России не является реальной политической проблемой, отношение к Октябрьской революции или к слову "марксизм" - тоже вопросы скорее "символические", к практике политической жизни имеющие достаточно отдаленное отношение.

Между тем, по очень большому и важному кругу проблем позиции верующих и атеистов ближе друг к другу, чем к позициям "колеблющихся" и "верящих в сверхъестественные силы". Посмотрим на таблицу 18. В ответах на 11 из 25 обобщенных там вопросов атеисты и верующие отклоняются от средних ответов и ответов промежуточных мировоззренческих групп не в противоположных, а в одном направлении. В ответе на ряд других вопросов одна из этих двух групп отклоняется от средних ответов, позиции другой - совпадают со средними, то есть, опять-таки, отклонения в противоположных направлениях нет.

Это вопросы о том, следует ли идти за Западом (и верующие и атеисты склонны считать, что нет, не нужно); группа вопросов, совязанных с отношением к капитализму и рынку - здесь обе эти группы менее "прокапиталистичны", чем население в целом; вопросы, связанные с СССР и единством России - обе эти группы склонны к "унитаристским" и "имперским" позициям. Наконец, это склонность давать более высокую оценку Сталину (здесь отклонение обеих групп от средней оценки наибольшее, и их близость друг к другу особенно заметна), Андропову и, как это ни странно, даже Ленину, и более низкую Гдляну и Собчаку.

Таким образом, мы видим, что движение к религии отнюдь не совпадает у нас с движением к демократическим и прокапиталистическим взглядам. Скорее это - движение к монархическим и клерикальнрым (государственная церковь) политическим взглядам, сочетающимся с авторитаризмом, антизападничеством и даже "социализмом", где и происходит смыкание этих позиций с позициями атеистов-коммунистов.

Мы имеем возможность убедиться в такой политической "связке" нашей религии, сравнивая также более и менее

интенсивных верующих. Ясно, что прихожане храма - это более "серьезная" религиозная группа, чем просто люди, назвавшие себя верующими. В 1990 г. наряду с общим опросом нами был проведен опрос и в одном из московских храмов. Он показал очень высокую степень антидемократической и антизападнической направленности политических взглядов, заметно контрастирующих со взглядами "среднего москвича". Так, положительное отношение к словам "демократия" и "права человека" высказывало 78% москвичей и только 49% прихожан; с тем, что "армия - зло", согласились 30% москвичей и только 9% прихожан; с тем, что нашей целью должно быть создание мощного государства - 11% москвичей и 35% прихожан. Разумеется, здесь нельзя исключить элемент случайности, ибо разные московские храмы и их священники привлекают группы лиц с разным мировоззрением и мы могли просто попасть в "реакционный" приход. Но посмотрим на то, как соотносился в 1991 г. индекс популярности (по 5-балльной оценке) Николая II, Горбачева и Ельцина с частотой посещения церкви (напомним, что опрос происходил в августе-сентябре, то есть тогда, когда с образом Горбачева связывались представления о "старой" советской власти, СССР, а образ Ельцина только начал приобретать черты носителя российской верховной власти). (См.таблицу 20.)

Таблица 20.

Индексы популярности	Как часто Вы посещаете богослужения?					
	Раз в неделю	Раз в месяц	По праздникам	Раз в год	Не посещаю	Всего
Николай II	3,40	3,11	3,08	3,09	3,00	3,05
Ельцин	4,00	4,06	4,07	4,18	4,10	4,09
Горбачев	3,70	3,23	3,21	3,17	3,22	3,22

Откуда различия позиций верующих и атеистов - понятно. Но как объяснить их сходство?

Чтобы понять его источник, напомним о маятникообразном характере нашей духовной эволюции. Маятник двигался не от авторитаризма (или тоталитаризма) к демократии, а от одного тоталитаризма, тоталитаризма самодержавия, православия и народности к другому тоталитаризму - догматического марксизма, к идеологии, ставящей знак плюс на всем, на чем предшествующая ставила знак минус, но создавшей также "тоталитарную", не демократического и не западного типа политическую систему и возродившей под новым названием великую Российскую империю.

Демократия при таком развитии была кратким промежутком между двумя "тоталитаризмами", ее недолгое существование определялось ситуацией временного равновесия между двумя мощными мировоззренческими силами, одна из которых еще не была до конца разгромлена, а другая еще не достигла своего пика. Обеим этим силам она была чужда и враждебна.

Нынешнее движение маятника - это снова движение не к демократии, а "через" демократию. Мы видели, что политические позиции верующих менее демократичны, чем позиции "средние" для населения в целом, причем эта недемократичность усиливается при интенсификации веры. Происходит радикальная смена идеологических знаков (Николай II, а не Ленин; черно-желто-белый флаг, а не красный), но суть - недемократическая, имперская, "нерыночная", остается во многом той же.

Отсюда и единство людей с противоположными символами, но схожей политической "сутью". Это - реальная идейно-психологическая база того блока, который у нас называется "красно-коричневыми" и который, как мы видим, основывается отнюдь не только на "ситуативных" комбинациях лидеров. Толпы с красными и толпы с черно-желто-белыми флагами объединяются в единую, противостоящую "красно-сине-белым" толпу своей реальной, и не только чисто политической, а более глубокой - психологической, мировоззренческой близостью. (Дальше мы будем говорить о том, какие силы могут вести к дезинтеграции, распаду этого блока).

Таким образом, ни православные верующие, ни атеисты не являются базой нашей демократии, не они - костяк нашего западнически-прокапиталистически-демократического движения. Но тогда кто же образует этот костяк?

Из изложенного выше достаточно ясно, что мировоззренческие группировки, являющиеся базой нашей демократии - это группировки с промежуточной мировоззренческой позицией, то есть люди, определяющие себя как "колеблющиеся" и "верящие не в Бога, а в сверхъестественные силы" (последние в опросах 1990 и 1991 гг. показывали еще большие демократические и прокапиталистические тенденции, чем "колеблющиеся"). Примеров такой позиции людей с неопределенным мировоззрением можно приводить очень много - это видно по ответам фактически на все вопросы, обобщенные в таблицах 18 и 19. Мы приведем лишь самую яркую и даже гротескную часть этих данных, показывающую четкую корреляцию между верой в паранаучные и квазинаучные мифологемы, характерной для этих людей с аморфным и эклектическим мировоззрением, и демократическими убеждениями. (См. таблицу 21.)

Таблица 21.

		Верите ли Вы в:					
		НЛО		Телепатию		Астрологию	
		да	нет	да	нет	да	нет
Согласные с утверждениями							
В условиях кризиса следует и дальше развивать демократию, гласность, ни в коем случае не допустить режима личной власти	1991	59	53	—	—	59	57
	1992	34	32	32	28	33	35
Следует установить порядок, твердую власть, даже если для этого придется ограничивать демократию	1991	26	31	—	—	28	30

	Верите ли Вы в:					
	НЛО		Телепатию		Астрологию	
	да	нет	да	нет	да	нет
Согласные с утверждениями						
Служба в армии - дело долга и чести 1991	28	41	35	33	31	42
Службы в армии лучше избегать 1991	31	18	25	26	29	23
Необходим суд над КПСС 1992	37	38	37	31	38	35
Следует возродить СССР 1992	13	20	15	24	13	19
Отношение к слову "рынок" 1992						
положительное	61	54	60	48	61	53
отрицательное	13	21	13	27	14	21
Отношение к слову "социализм" 1992						
положительное	14	24	16	22	15	21
отрицательное	46	45	44	42	46	42
Отношение к словам права человека" 1992						
положительное	77	71	78	63	80	66
отрицательное	6	10	5	13	5	10
Индексы популярности (средняя оценка по 5-балльной шкале), 1991						
Ленин	2.92	3.21	—	—	3.02	3.18
Сталин	2.17	2.43	—	—	2.23	2.36
Ельцин	4.12	4	—	—	4.12	4.03
Афанасьев	3.14	3.09	—	—	3.23	3.01
Гдлян	3.52	3.40	—	—	3.59	3.37
Собчак	3.79	3.73	—	—	3.80	3.72

Таким образом, выявляется четкая связь между демократизмом и аморфностью, "энтропийностью" мировоз-

зрения, поддержкой Ельцина (в 1991 г.), Гдляна, Афанасьева и Собчака и верой в НЛО, астрологию и тому подобное.

Специфически западнический характер политических ориентаций людей с подобным мировоззрением виден и в их отношении к отдельным народам. См. таблицу 22.

Таблица 22.

Отношение к народам	Отношение к астрологии		Отношение к "восточной мудрости"		Отношение к НЛО	
	верю	не верю	играет большую роль в жизни	не играет роли	верю	не верю
Евреям						
положит.	48	42	55	40	46	47
отриц.	12	13	10	12	12	13
немцам						
положит.	58	53	63	50	58	57
отриц.	4	6	8	5	4	5
армянам						
положит.	37	34	45	33	37	36
отриц.	26	21	29	24	27	19
азербайджанцам						
положит.	33	31	41	28	31	36
отриц	28	25	33	28	31	22
туркменам						
положит.	35	35	41	30	33	42
отриц.	13	11	18	13	14	9

Таблица свидетельствует, что приверженцы современных паранаучных мифов, как это и следовало ожидать, более терпимы и благожелательны, чем те, кто в них не верит (между прочим, ко всем религиям - православию, баптизму, иудаизму, мусульманству - они также демонстрируют более благосклонное отношение, чем остальные респонденты). И все же разница между ними и не верящими в современные мифы уменьшается и даже возникает обратное отношение, то

сть, неверящие оказываются более благожелательны, когда речь заходит о восточных, "не демократических" народах.

Люди с неопределенным, эклектическим мировоззрением, верящие в астрологию, НЛО, йогу, дзен-буддизм, дьявола, снежного человека, совсем чуть-чуть - в Бога и немножко - в прогресс, и являются, как мы уже говорили, базой, опорой нашей демократии. Если бы не они и не колоссальный рост их численности, наш религиозно-атеистический, коммунистически-монархический маятник уже унес бы нас далеко-далеко, к какому-то варианту национал-социализма с клерикальным оттенком. Он постепенно нас и "уносит" - дальше мы покажем, как это проявляется в опросах. Но сила сопротивления слишком велика.

Все крупные политические расколы имеют свои общемировоззренческие основания (или аспекты), все гражданские войны в какой-то мере - "религиозные". И когда у нас демократы в августе 1991 г. собирались для обороны Белого дома, а многие люди надеялись на победу ГКЧП, это были два разных мировоззренческих религиозных лагеря. Можно с уверенностью сказать, что в толпе у Белого дома был значительно больший процент людей, приверженных дзен-буддизму, йоге, телепатии, НЛО, экстрасенсам и т.д. и значительно меньший - убежденных верующих и убежденных атеистов, чем в народе в целом. Среди сторонников ГКЧП, наоборот, было много атеистов, православных и мало приверженцев паранаучной мифологии и восточной мудрости.

Связь демократизма, эклектичности и аморфности мировоззрения - естественна и не является чем-то исключительно российским. Жесткие, догматические, не допускающие сомнений и колебаний идеологии не демократичны по своей сути. Демократия возникает на основе "смягчения", "размывания" таких идейных систем, их дедогматизации, роста мировоззренческой терпимости. А вера в паранаучную мифологию - это лишь крайнее выражение "размывания" жестких систем. Однако есть существенные различия между тем, как связаны процессы дедогматизации сознания и становления демократии у нас и на Западе.

На Западе демократия возникала на основе смягчающихся, дедогматизирующихся, но еще достаточно четких, структурированных мировоззренческих систем. Протестантизм XVII-XVIII вв. был, безусловно, более

открытой системой, чем средневековый католицизм, но все-таки - системой достаточно жесткой. В католических странах демократия возникает на основе постепенного смягчения двух изначально жестких и недемократических мировоззрений - католицизма и разных форм атеистического социализма, проделавших долгий путь: католицизм - от "легитимистского" католицизма прошлого века к Иоанну XXIII, Второму Ватиканскому Собору и Иоанну Павлу II, социалистическая традиция - от Маркса к Пальме и Миттерану, но сохранивших идейную традицию, соединявших демократизм с этой традицией и с общими идейными основами. Из эволюции этих систем и традиций возникли две мощные идеологически-политические структуры, два основных "столпа". европейского демократизма - христианская демократия и социал-демократия.

У нас это невозможно. Обе наши "исторические" идеологии с трудом поддаются демократизации. Аналогов социал-демократии и христианской демократии у нас практически нет. Поэтому демократия у нас больше, чем в других странах, базируется на мировоззренческой пустоте, в которой летают НЛО. Но зато зона этой пустоты, именно в силу ригидности, недемократичности наших "исторических" идеологий, особенно велика. Ясно, что возникающая на такой своеобразной основе демократия сама должна обладать специфическими чертами.

Но прежде, чем попытаться заглянуть в будущее, экстраполировав существующие тенденции, отметим два мировоззренчески-политических процесса, совершившихся в 1991-1992 гг., когда "демократический" лагерь победил и начала складываться совсем новая расстановка мировоззренчески-политических сил.

Победа любой идеологии сразу же влечет за собой ее радикальную и глубокую трансформацию, ибо громадная конформистская масса устремляется к ней, привнося в нее свои привычки и верования. Мы уже видели, как много людей в 1992 г., когда победила новая "ельцинская" идеология с ее положительным отношением к религии, стали называть себя верующими, и как сразу же понятие "верующий" стало утрачивать свое реальное мировоззренческое содержание, и приверженцев НЛО и телепатии среди верующих стало едва ли не больше, чем среди "верящих в сверхъестественные

силы". То же самое происходит и с нашим демократизмом. Как только он победил, он начал терять свою идеологическую чистоту, стал более формальным. В чем это проявляется? Посмотрим на таблицу 23.

Таблица 23.

		Население в целом	Верующие	Атеисты
Надо и далее развивать демократию и гласность не допуская режима личной власти	1991	57	50	50
	1992	31	25	42
Надо установить порядок, твердую власть, даже если для этого придется ограничить демократию	1991	29	32	32
	1992	43	46	39
Возмутительна грубая критика президента в печати	1991	12	15	9
Резкая критика власти - нормальное явление	1992	68	64	79
Сильный лидер, которому народ поверил и которому он вручил власть, выше законов, ибо законы часто несовершенны	1992	17	18	16
Наша страна добьется успехов только при соблюдении властями законов и конституции	1992	59	56	59
Верховный Совет, даже если он работает плохо, необходим. Без него будет хуже	1992	22	18	22
Главное - избранный президент. На какое-то время можно обойтись без парламента	1992	30	32	23
Положительное отношение к словам"права человека"	1992	72	69	74

Мы видим, что верующие все время поддерживают более авторитарные, менее демократические и правовые позиции, чем средняя позиция населения. Это понятно в свете изложенного выше и согласуется с их "антизападническими"

тенденциями и их оценкой политических деятелей в 1991 г. Но обратим внимание на такую деталь. Кто тот "сильный лидер", который в 1992 г. - выше законов, президент, которого не стоит критиковать в печати и который может обойтись без парламента? Это - Ельцин. Уже в 1991 г. оценка верующими Ельцина была чуть выше средней. Что же произошло в 1991-1992 гг.? Очевидно, произошел двоякий процесс. С одной стороны, часть тех, кто был верующим до 1992 г., стал переносить на фигуру Ельцина свои авторитарные и монархические симпатии, тем более, что Ельцин часто подчеркивает свою симпатию к церкви (если не религиозность), его поддерживает патриарх и в его политике в отношении ближнего зарубежья после развала СССР стали все отчетливее проступать знаки "интересов России" и "защиты русских". Образ Ельцина стал все более приобретать черты если не "царя-барюшки", то "президента-батюшки". С другой стороны, многие сторонники Ельцина из "колеблющихся" и "верящих в сверхъестественные силы" 1991 года в 1992 год стали называть себя верующими. Начало возникать новое большинство людей, называющих себя верующими, в котором возникает своеобразная амальгама западнически-демократических и авторитарношовинистических тенденций.

При этом в целом это большинство сдвигается к новому авторитаризму. Из таблицы 23 видно как резко, с 57% до 31%, упало число лиц, считающих, что надо и дальше развивать демократию, и так же резко, с 29% до 43%, возросло число тех, кто за порядок и твердую власть (и это уже не коммунистическая, гекачепистская твердая власть, а новая, ельцинская).

Может быть природа этого нового авторитаризма станет более понятной, если мы посмотрим на то, как люди отвечали в 1992 г. на вопросы о предпочитаемой эпохе национальной истории и предпочтимом историческом герое. Был предложен список из 14 эпох, где фигурировали время Алексея Михайловича, вольный Новгород, петровская и другие, а также исторических персонажей (Сергий Радонежский, Николай II, Герцен, Ленин и т.д.). Выбор у всех мировоззренческих категорий был почти одинаковый. В таблице 24 мы приводим данные о наиболее предпочитаемых эпохах и героях.

Таблица 24.

Предпочтимые эпохи и герои (в %)

	ЭПОХИ	ГЕРОИ
Население в целом	при Петре 1 - 34 при Брежневе - 14 Россия 1861-1916 - 12	Петр 1 - 37 Столыпин - 20 Маршал Жуков - 13
Верующие	при Петре 1 - 34 при Брежневе - 13 Россия 1861-1916 - 12	Петр I - 36 Столыпин - 17 Сергий Радонежский - 12
Атеисты	при Петре I - 32 при Брежневе - 17 Россия 1861-1916 - 12	Петр 1 - 33 Ленин - 23 Столыпин - 18

Мы видим практически всеобщую любовь к двум фигурам - Петру I и Столыпину. Что объединяет эти фигуры? В религиозном аспекте они не яркие фигуры, они авторитарны, действуют жесткими методами и борются за сильную, великую, но все же "западническую", не традиционалистскую Россию. Это тот же образ, который создается Ельциным - образ сильной, твердой, но все же "западнической" власти, при которой происходит "возрождение России". И это те политические тенденции, на основе которых произошли события, связанные с разгоном парламента в сентябре и расстрелом 4 октября 1993 года.

Другой процесс (или другой аспект) единого процесса трансформации мировоззренчески-политической конфигурации нашего общества в 1991-1992 гг. - заметная "демократизация" атеистов. Мы говорили об "антизападнической" и авторитарной тенденции в мировоззрении атеистов. Но, как мы видим из таблицы 23, по основным внутриполитическим вопросам в 1992 г. они стали демонстрировать больший демократизм, чем население в целом, верующие и колеблющиеся. Чем это объясняется?

Причины очевидны. Люди с атеистическим и тем более - коммунистическим мировоззрением внезапно оказались в ситуации изолированного и даже в какой-то мере гонимого меньшинства, противостоящего все более авторитарному и

все более "религиозному" большинству. Естественно, что оказавшись в таком положении, они хватаются за идеи прав человека, демократии, парламентаризма. Таким образом, демократизм этот во многом "ситуативный". Но, на наш взгляд, недооценивать его значение нельзя, ибо даже взятые на вооружение "ситуативно", демократические принципы имеют тенденцию усваиваться и трансформировать массовое сознание и идеологию. И мы совершенно не исключаем возможность возникновения парадоксальной ситуации, когда люди с "прокоммунистической ориентацией" станут опорой российской демократии.

В какой-то мере это уже произошло в сентябре - начале октября 1993 г., когда Белый дом оборонялся уже от победившей "демократии". То, что совершилось в сентябре - начале октября, отнюдь не случайность, не результат чисто личных склок в правящей верхушке, хамского намека Хасбулатова на алкоголизм президента. Описанная выше эволюция подготавливала сентябрьские-октябрьские события, делала, если не их, то нечто подобное неизбежным. Фактически в 1991-1993 гг. шел нормальный, многократно повторявшийся в истории процесс появления в победившей революции, в ее идеологии и установленном ей режиме авторитарных, недемократических черт. Движение, пройденное нами с 1989 по 1993 гг., аналогично движению от Генеральных штатов к Робеспьеру, от февраля к октябрю 1917 года и далее. Здесь действует та же самая закономерность. Но ясно, что наметившаяся у нас авторитарная тенденция во много раз слабее, чем авторитарная тенденция, проявившаяся во время нашего первого революционного цикла. Превращение Ельцина в нового Ленина или русского монарха нам также не грозит, как не грозит возвращение духовной монополии православной церкви. Но что же нам "грозит"?

В ближайший период, на наш взгляд, будут все отчетливее проявляться новые авторитарные тенденции. Но идейная база нашей революции настолько аморфна и эклектична, что "серьезного" тоталитаризма на ее основе построить невозможно. Вполне вероятно, она приведет не к ликвидации демократических институтов, а лишь к их ослаблению. Далее, несомненно, поднимется "просоциалистическая" волна, которую в разных формах мы уже видели в Литве, Польше, собственно, во всех

посткоммунистических странах. Она не будет слишком сильной и, вполне возможно, также не приведет к ликвидации демократических институтов. В целом - это некоторые волны, приливы и отливы на общем фоне роста аморфности и эклектичности мировоззрений, нарастания мировоззренческой энтропии, которые будут ослаблять каждую следующую волну.

Самое важное и интересное - не эти "волны", а то, какое общество возникает на основе этого процесса, идущего у нас в очень специфичной форме - при значительно меньшей, чем на Западе, демократической традиции, практическом отсутствии четких, но не антидемократических мировоззрений и весьма высокой степени мировоззренческой энтропии. Идейная и психологическая база тоталитаризма постоянно сужается, поэтому, казалось бы, шансы демократии должны возрастать. Но это может быть лишь очень своеобразная демократия, базирующаяся скорее не на позитивных, а на негативных основаниях, не столько на усвоении демократических принципов, сколько на отсутствии сильных идеологий. Крайней аморфности ее идеологической базы должна, очевидно, соответствовать и большая институциональная аморфность, отсутствие четких институциональных контуров.

Наши опросы показывают большую и растущую степень атомизации общества, тенденцию людей уходить в свои личные и семейные мирки, которая, разумеется, составит препятствие любым попыткам массовой мобилизации фашистского и коммунистического типа, но, на наш взгляд, будет мешать и попыткам придать нашей демократии четкие контуры, создать демократическое общество, принадлежностью к которому люди бы гордились и готовы были бы защищать его. Так, с утверждением "человек должен служить Родине, народу, своей стране" в 1992 г. согласились 25% опрошенных, причем лиц старше 60 лет - 38%, среди 16-17-летних - 12%; с утверждением "человек живет для себя и своей семьи и никому ничего не обязан" - 29%, лиц старше 60 лет - 15%, 16-17 лет - 24%. С тем, что "человек обязан участвовать в делах своей страны, области, города, района, села; общественной жизни: участвовать в выборах, митингах, жизни политических партий" было согласно всего 14%, лиц старше 60 - 21%, 16-17 лет - 12%7 С тем, что "службы в армии

надо по возможнотси избегать" были согласны 13%, лиц старше 60 - 1%, 16-17 лет - 16%, 18-20 лет - 23%. Что "служба в армии - дело долга и чести каждого настоящего мужчины" согласны 43%, старше 60 лет - 63%, 16-17 лет - 30%. При этом наиболее "эгоистические" ответы дают люди с наиболее аморфным мировоззрением - не верующие и не атеисты, то есть наиболее "демократические" группы населения. В нашей идейно-политической ситуации чем больше в группе лиц, приверженных демократии, тем больше в ней "эгоизма" и "эгоцентризма", тем меньше чувства долга перед обществом.

Этот рост "эгоистических" настроений, атомизации общества, особенно среди молодежи, несомненно "собьет" теперешнюю достаточно поверхностную, "несерьезную" авторитарную волну. Но он будет препятствовать и созданию крепкого правового демократического государства.

Поддержка идеи законности, правопорядка также значительно ослабляется в молодом поколении. Так, с утверждением: "Многие сейчас богатеют нечестными путями, но они своей деятельностью способствуют развитию рынка. С этим нужно смириться. Это - переходный период, потом все наладится" - согласились 21%, среди лиц старше 60 - 10%, 16-17 - 31%. С утверждением: "Всякого рода жулики и спекулянты не могут быть основой цивилизованного общества... Если создавать рынок, то на основе высоких моральных стандартов" согласились среди тех, кто старше 60 - 75%, 16-17 лет - 31%. Ясно, что создание четкой правовой системы при росте таких настроений очень трудная, если не безнадежная, задача. Также трудно на аморфной идейной базе создать четкую систему демократических политических партий.

Наши опросы показывают, что единственная сейчас реальная партия с ясной мировоззренческой базой - это коммунисты, за которых стали бы голосовать только 5%, но среди атеистов - 18%. Колеблющиеся (а в опросе 1992 г. и верующие) скорее поддерживают Демократическую Россию, верующие - бабуринский Российский Общенародный союз - монархистов, "христианских демократов". Но все это - ничтожные проценты населения. В целом в момент опроса людей, знающих за какую партию голосовать - 33,5%. 13% считают, что партии, отвечающей их убеждениям, нет, 30% вообще не верят в партии и выборы, 26% - "затрудняются

ответить". Неспособность Демократической России, находившейся в последние годы в исключительно благоприятных условиях, создать реальную массовую партию отнюдь не случайность, а результат глубоких идейных причин: идейной аморфности, эклектичности тех сил, которые потенциально ее поддерживают, их неспособности к организации, создание которой требует определенного минимума веры и мировоззренческой определенности.

Но без партий трудно создать четкую демократическую систему управления государством, ибо нет ясных "приводных ремней", "связок" между правительством и парламентом, центром и периферией. Политика неизбежно превращается в политику клик, бесконечные склоки и неизбежно регионализируются, тем более, что целостность России не является безусловной общепризнанной ценностью. Только 17%, как мы видели, считает ее таковой, а для 9% она вообще не существует.

Демократия, возникающая таким путем и на таких идейных и ценностных основаниях - это очень странная, "вялая" демократия. Ее сила - "негативная", а не "позитивна". Серьезно обороняться вроде бы она не будет и достаточно относительно небольшой группы решительных людей, чтобы захватить власть, ликвидировать ее. Но такой группы нет, нет сильных, убежденных в своей правоте идеологий. И если бы даже такая группа появилась и захватила власть, она мало что смогла бы сделать - ей практически невозможно будет подчинить слишком аморфную, не поддающуюся кристаллизации массу, которая окажет мощнейшее сопротивление, но не сопротивление стены, а сопротивление ваты.

Все это мы видим и невооруженным взглядом. Опросы подтверждают то, что видно и так - из газет, по телевидению, на улице. Мы видим поразительную инертность подавляющего большинства во время августовского "путча" 1991 г. и ельцинского "переворота" сентября-октября 1993 г. Мы видим, что все демонстрации - демонстрации пожилых людей, и никакой "вождь" не соберет столько молодежи, сколько ее собирают рок-звезды. Мы видим отсутствие согласования действий между ветвями власти, между центром и периферией, рост регионализма, поразительно спокойное отношение к огромным масштабам коррупции и т.д. и т.п. Опросы лишь позволяют увидеть все это более четко, уловить

взаимосвязь между, на первый взгляд, совершенно разнородными явлениями, понять, что то, что может показаться временным и случайным, имеет глубокие основы и наоборот, то, что кажется очень важным - лишь рябь на поверхности.

Мораль и культура (приложение)

Мы начинали нашу работу как исследование взаимосвязи религиозных и политических аспектов массового сознания. Но постепенно мы стали включать в него вопросы, касающиеся морали (сексуальной и трудовой) и культурно-эстетических предпочтений.

Эстетические вкусы и взгляды с большим трудом поддаются социологическому анализу, и хотя в 1991 г. и 1992 г. нами собран большой материал, обработать и осмыслить его для нас - сложнее, чем данные о религиозных и политических взглядах. Вопросы, касающиеся моральных оценок, мы стали задавать только в 1992 г. и скорее в порядке "предварительного зондажа". Материала здесь еще просто мало.

Поскольку тема книги - религия и политика, можно было бы вообще оставить вопросы морали и культуры за пределами нашей статьи. Но полученный материал все же весьма интересен, он вносит важные дополнения в картину взаимоотношений религиозных и политических аспектов. Поэтому мы решили дополнить статью разделом, в котором анализируются имеющиеся данные о моральных и культурно-эстетических аспектах массового сознания. Его можно рассматривать как приложение, или даже ряд небольших приложений к двум первым, основным. Пока что это - своего рода "эскизы", "наброски", из которых, возможно, со временем возникнут цельные работы.

Вопросы, касающиеся моральных взглядов наших сограждан, которые мы задавали в 1992 г., можно разбить на две категории - вопросы о трудовой этике, наиболее тесно связанные с политическими и "политэкономическими" вопросами, и вопросы о сексуальной этике. Сначала мы рассмотрим трудовую этику:

		Возраст								Отношение к религии	
	Всего	16-17	18-20	21-25	26-30	31-40	41-50	51-60	Свыше 60	Верующие	Атеисты
Я работаю, чтобы прокормить себя (и свою семью), если бы я был очень богат, я бы не работал	30	33	36	34	37		28	21	14	29	23
Работа - предназначение человека, сколько бы у меня ни было денег, я бы все равно работал	57	46	46	51	50	56	63	70	70	58	69
Унести что-нибудь с работы, взять подарок за выполнение своих обязанностей - для меня вещь невозможная	28	20	16	15		26	32	43	51	31	34
Так поступают все, и я - не исключение	36	40	43	47	43	38	32	28	17	33	33
Человек живет для себя и своей семьи и никому ничем не обязан	29	24	28	33	37	32	29	19	15	23	25

Перед нами картина довольно сильных альтруистических мотиваций и высокой трудовой этики у стариков, их резкого падения у молодежи и относительно высокой трудовой этики у лиц с более определенным мировоззрением - верующих и атеистов. Ответы на вопросы о трудовых мотивациях проливают дополнительный свет на значение других

вопросов. Так ответы, касающиеся службы в армии, распределяются совершенно также, как и на вопросы о стимулах к труду. Молодежь и лица с более неопределенным мировоззрением настроены значительно более антиармейски, чем старики, верующие и атеисты. Это может быть объяснено пацифизмом, отсутствием шовинизма у молодежи. Но совпадение распределения антиармейских ответов с распределением ответов, говорящих о допустимости воровства и взяток, все же вносит определенные коррективы в такое "идеалистическое" объяснение.

Так же распределяется и отношение к вопросу о роли жуликов в построении капиталистического рынка. Считают, что с жуликами надо смириться, ибо они способствуют развитию рынка, 10% лиц старше 60 лет и 31% лиц 16-17 лет. Опять-таки, это могло быть понято, как просто выражение веры в благотворность рынка, который сам способен решить все проблемы (подобно тому, как марксисты считали, что главное - обобществление производства, которое сделает людей лучше). Но связь такого отношения к объективной роли жуликов с допущением жульничества для самих себя опять-таки вносит коррективы в подобную интерпретацию.

Наконец, схожим образом распределяются и ответы на другой вопрос, также психологически связанный с вопросами о трудовой этике - вопрос об обязанности человека принимать участие в общественной жизни. Молодежь склонна отрицать такую обязанность, что явно связано с ее "эгоистическими" и "эгоцентрическими" установками.

По всем этим вопросам мы видим практически однозначную связь между типом ответа и возрастом отвечающего - чем старше распондент, тем "моралистичнее", "альтруистичнее" его ответы. Также четкая связь выявляется между "морализмом" и твердыми мировоззренческими убеждениями. Как мы знаем, среди молодых религия пользуется большой популярностью. Верующими называет себя 45% лиц 16-17 лет (столько же, сколько лиц старше 60 лет) говорит, что религия занимает важное место в их жизни - 46% людей 16-17 лет. Отражается ли эта склонность к религии на трудовой этике молодежи? Практически нет. Самые молодые, правда, склонны давать чуть менее "эгоцентрические" ответы на вопрос о том, для чего живет человек, чем люди в расцвете сил. (Считают, что человек

живет для себя, 24% людей 16-17 лет и 37% лиц 26-30 лет). Большая религиозность молодежи видна не в превалировании "альтруистических" ответов, а в их распределении. Так, с тем, что человек должен служить Родине, согласились только 12% молодежи, с тем, что он должен служить высшей справедливости, Богу - 22%, среди людей старше 60 - 38% и 13%. Но это - незначительные различия на фоне общего падения "альтруистической" этики, на которое почти не влияет новая религиозная волна, и эта картина заставляет нас по-новому взглянуть на проблему "построения капитализма" в нашей стране.

Если исходить из веберовской идеи трудовой этики, для которой работа - высшая и самостоятельная ценность, не имеющая утилитарного значения, служение Богу и людям, как культурной и социально-психологической основы капитализма, то мы должны сказать, что молодежь - менее "капиталистична", ее взгляды не могут составить основу рыночного общества. Между тем, "политэкономические" убеждения находятся в полном противоречии с трудовой этикой, ибо как раз молодежь настроена наиболее "прокапиталистично", "прорыночно". Наоборот, старшее поколение, с его прокоммунистическими и антирыночными настроениями (см.таблицу 17) куда более отвечает веберовскому представлению о носителях "духа капитализма".

Такое же противоречие мы видим и в распределении "капиталистической этики" и "капиталистических убеждений" среди образовательных и мировоззренческих групп. Более образованные, атеисты и верующие идеологически менее "прокапиталистичны" и одновременно являются носителями более высокой "веберовской" трудовой этики, чем менее образованные носители неопределенного, аморфного мировоззрения. То, что Вебер считал культурно-психологическим базисом капитализма, и прокапиталистические настроения находятся в нашем обществе в отрицательной зависимости друг от друга.

Мы можем окончательно убедиться в этом, если посмотрим на данные таблицы 26, где непосредственно показана корреляция между идеологическим "западничеством" и трудовой этикой.

Таблица 26

	"Если бы я был очень богат, я бы не работал"	"Работа предназначение человека"	"Не беру подарков"	"Так поступают все"
"На Западе создано лучшее из возможных обществ. Мы должны следовать за Западом"	39,3	51,3	22,8	47,3
"Нам надо искать свои пути"	28,1	61,8	31,3	36

Создается такое ощущение, что в этом сочетании идеологической "прокапиталистичности" с низкой трудовой этикой есть какие-то следы марксизма, коммунистической пропаганды, создававшей карикатурный образ аморального капитализма, который теперь стал восприниматься не со знаком "минус", а со знаком "плюс". "Марксистский" оттенок имеет и вера в способность "правильного" общественного устройства создать богатство. Раньше таким "правильным" общественным устройством считался социализм, теперь капитализм. Но наши отцы и деды как-то умудрялись сочетать веру в автоматизм законов общественного развития, ведущих к богатой и счастливой жизни с "веберовской" трудовой этикой, а у молодежи вера в блага капитализма есть, а "веберовская" этика отсутствует.

Каким будет капитализм, создающийся на такой моральной основе, представить себе трудно. Но ясно, что проблема построения капитализма у нас - не менее трудна, чем проблема построения стабильной демократии. И капитализм этот будет не менее своеобразным, чем наша демократия.

Наша сексуальная мораль представляет собой еще более причудливую картину, чем трудовая этика. Данные о моральных оценках сексуального поведения обобщены в таблице 27.

Таблица 27.

	Каково Ваше мнение о перечисленных формах сексуального поведения (первая цифра - процент считающих его преступлением, вторая - пороком но не преступлением, третья - нормой)					С каким из мнений вы согласны	
	Внебрачные внесексуальные связи	аборт	Гомосексуализм и лесбиянство	Проституция	Порнография	Муж должен содержать семью, а жена вести хозяйство и слушаться мужа	Кто лидер в семье кто содержит семью зависит от личности конкретных людей Это может быть и жена и муж
Население в целом	8:42:33	9:31:43	2:42:13	26:36:20	32:52:80	38	47
16-17 лет	4:28:53	20:36:28	12:43:22	22:26:33	12:60:15	43	40
18-20	1:34:52	12:32:38	12:49:25	16:31:40	16:62:13	43	40
21-25	4:36:45	7:29:46	10:50:22	12:41:33	11:67:12	44	40
26-30	3:44:38	7:32:43	13:50:16	15:39:27	16:60:11	38	41
31-40	6:45:33	6:33:48	21:48:13	23:43:18	28:58:7	37	50
41-50	10:46:27	6:32:45	31:39:7	31:39:11	40:49:4	36	50
51-60	15:46:18	12:28:40	33:34:6	40:30:10	55:35:4	36	56
Свыше 60	20:38:10	16:22:41	44:15:3	53:23:5	73:17:1	36	49
Верующие	12:40:28	14:36:32	26:39:11	32:34:16	34:50:7	40	46
Атеисты	5:49:31	4:23:61	22:51:10	28:36:20	39:52:8	32	57

Конфигурация моральных оценок, которую мы видим в этой таблице, во многом не похожа на конфигурацию моральных оценок, характерную для западных обществ.

На Западе проблема аборта усиленно дебатируется и вызывает большие страсти. Сторонники запрещения абортов приравнивают аборт к убийству "нерожденного" ребенка, противники не признают "зародыш" самостоятельным существом и апеллируют к праву женщины распоряжаться собственным телом. Эта моральная проблема связана с вопросами научными и философскими - где, с какого момента начинается человеческая жизнь и соответственно убийство - вопросами, очевидно, в конечном счете неразрешимыми, но во всяком случае всеми - и противниками и сторонниками запрета абортов, она осознается как проблема. У нас, похоже, такой проблемы нет. 9% считающих аборт преступлением - это ничтожно мало. Тем более ничтожно мало - 14% верующих.

В отношении к проблеме аборта мы отличаемся удивительной "глухотой", в отношении к гомосексуализму и лесбиянству - крайней консервативностью. На Западе отношение к этим формам сексуального поведения меняется в сторону все большей либерализации, что связано прежде всего с научными исследованиями, раскрывающими их биологические, генетические основы. Мы здесь крайне архаичны. Как 9% считающих аборт преступлением - очень мало, так же и мало 13% считающих гомосексуализм нормой. Еще большая странность - это наше отношение к проституции. Наверное, нигде в мире нат такого "либерального" отношения. 20% считающих проституцию нормой и 16% верующих, считающих ее нормой - это немыслимо много.

Откуда эти странности? Возможно, они связаны с тем, что в нашей истории проблемы сексуальной морали практически никогда серьезно не разрабатывались. До революции господствовала традиционная сексуальная мораль, хранителем которой была православная церковь. Затем наступил период усиленного интереса к этой сфере, разных (от аскетизма Льва Толстого до свободной любви революционеров) попыток как-то осмыслить ее по-новому (период, соответствующий периоду мировоззренческого плюрализма и демократии). Но победивший марксизм-

ленинизм быстро забывает свои юношеские увлечения и восстанавливает (с небольшими изменениями) традиционную, нерефлексированную мораль. Масса проблем, которые горячо обсуждались в западных обществах (аборты, гомосексуализм, даже проблема женского равноправия, в том виде, как она стоит на Западе и т.д.) просто не вставали перед российским массовым сознанием. В результате наша сексуальная мораль - более архаична, традиционна и главное "бездумна".

Этой характерной для нашего общества нерефлексированностью сексуальной морали, отсутствием и в марксистской и в православной традиции ее разработок объясняются, очевидно, и в общем незначительные различия между верующими и атеистами - атеисты чуть более "либеральны" (наиболее это заметно в отношении к распределению ролей мужчины и женщины в семье), верующие - чуть консервативнее, но различия между ними во много раз менее значимы, чем различия возрастные.

Возраст - основной фактор, влияющий на сексуальную мораль. Если отличия верующих, атеистов и массы с аморфным мировоззрением выражаются отклонениями в несколько процентов, то оценки стариков и молодых различаются во много раз. Следы влияния распространения религиозности на сексуальную этику молодых, как и следы его влияния на трудовую этику - невелики. Есть небольшая тенденция к чуть более ригористичным оценкам в самой молодой группе - 16-17 лет. Особенно это заметно в вопросе об аборте. Но опять-таки, трудно сказать - что здесь от новых моральных веяний, нового "удара маятника", что - от чисто возрастных особенностей (девушка, еще не делавшая абортов, воспринимает их как нечто страшное, потом - быстро привыкает). Где "маятникообразное" движение довольно заметно - это в вопросе о распределении ролей мужчины и женщины в семье. Здесь более молодые - более консервативны. Причины таких тенденций требуют дополнительного изучения.

Особо следует обратить внимание не отношение к проституции. В этом вопросе молодые и старые отличаются особенно сильно, и среди лиц 18-20 лет признание проституции нормой достигает колоссальной цифры - 40%. Нам думается, что на отношение к этому вопросу, кроме общей "либерализации" морали, влияет и увлеченность

рыночными отношениями, особенно характерная для молодежи, тем более, что есть заметная корреляция между "западничеством" и признанием проституции нормой. Среди тех, кто считает, что на Западе создано лучшее из возможных обществ и надо следовать за Западом, проституцию нормой признают 27,9%, преступлением - 16,1%, среди тех, кто полагает, что нам надо искать свой путь, соответственно, - 18,1% и 36,8%. Так же соотносятся позитивное отношение к проституции и демократизм. Из тех, кто полагает, что и в условиях кризиса надо развивать демократию, нормальным явлением считают проституцию 23,7%, преступлением - 17,9%, среди тех, кто полагает, что надо прежде всего установить порядок, соответствующие цифры - 17% и 32,1%.

Маятникообразные движения нашей духовной жизни охватывают все сферы общественного сознания. О сфере религии и политики мы подробно говорили выше. Аналогично протекали и процессы в сфере морали.

Своеобразной, хотя тоже подчиненной общей логике "маятника", является и эволюция наших культурных и эстетических вкусов. Как демократия была коротким промежутком между двумя "положениями маятника", так и эстетический плюрализм и модернизм расцвел в тот же относительно короткий промежуток времени - где-то в середине 20-х годов XX в.

Сталинская система эстетических ценностей в значительной мере восстанавливала официальную эстетическую систему эпохи самодержавия. Призыв "долой Пушкина" принадлежал к ранней революционной эпохе. При Сталине восстанавливается установившийся в прошлом веке пантеон "великих", где первое место безогоророчно занимают Пушкин, Гоголь, Толстой. К нему лишь добавляются Горький и Маяковский, хотя из восприятия последнего был полностью выхолощен его эстетический и моральный бунт. В сфере живописи безоговорочно великими признаются Брюллов, Иванов, Репин, Суриков, Шишкин, Левитан. В сфере музыки - Глинка, "Могучая кучка", Чайковский. Поэты, писатели, художники плюралистической эпохи начала века (20-е гг.) уходят в тень или просто становятся запретными. Русская культура прошлого века входит в созданную при Сталине

общедогматическую систему как ее важнейший компонент, идеологическая чуждость которого системе в целом - "забывается" и "замазывается" (приблизительно так же, как в средневековую католическую систему вошел Аристотель).

Такая система эстетических ценностей, очевидно, отвечала представлениям тех громадных консервативных масс, которые хлынули к победившим большевикам и которым были глубоко чужды эстетические поиски культурной элиты периода предреволюционного декаданса и первого десятилетия после революции. Сталинская эстетика догматизироовала, возвела в канон эту эстетику широких народных масс (но не крестьянских масс, а какого-то более культурного, но не элитарного слоя, для которого Васнецов и Шишкин значительно ближе иконописи, Балакирев - церковных песнопений). Изучение этой эстетики, определение ее социального носителя - важнейшая и, насколько мы представляем себе, мало разработанная проблема, заниматься которой мы, естественно, здесь не можем.

Отметим лишь один важный момент, связанный с социальной и идейной ролью сталинской догматизации классики. Культ классики входил составным элементом в сталинскую догматическую систему. Но одновременно классика в какой-то мере давала выход из нее, "отдых от нее". Это была часть системы, но все же особая, не носящая идеологического отпечатка (идеологическим было ее официальное осмысление, ее восприятие, но не она сама). Кроме того, эстетическое "качество" классики было неизмеримо выше качества создававшейся при Сталине новой "идеологически выдержанной" культуры. И этот "не-марксизм" классики также способствовал созданию ее культа, как и ее марксистские осмысление и догматизация.

В результате сфера массовой эстетики оказалась предельно "окостеневшей", "догматической". Это та сфера, где "тоталитаризм" особенно прочен, где до сих пор в громадной мере господствует тоталитарная монотонность. Приведем ряд примеров этого эстетического однообразия.

В 1992 г. мы предложили респондентам список из 264 имен русских и иностранных писателей и поэтов, предложив

выбрать несколько - кто сколько хочет - любимых. Вот 10 самых распространенных выборов: А.Пушкин - 263, Л.Толстой - 213, А.Дюма - 160, А.Чехов - 134, М.Булгаков - 118, В.Пикуль - 104, М.Шолохов - 94, Дж.Чейз - 93, С.Есенин - 86, Ф.Достоевский - 69. А вот список 10 любимых из 250 художников: И.Репин - 246, И.Шишкин - 160, И.Айвазовский - 138, И.Глазунов - 121, И.Левитан - 99, В.Васнецов - 93, В.Суриков - 73, С.Дали - 65, В.Серов - 54, А.Рублев - 48.

Создается ощущение, что мы задаем психологический тест на проверку стереотипности мышления. Животное - собака, дерево - береза, любимый поэт - Пушкин, любимый художник - Репин. Люди "голосуют" за Пушкина и Репина почти так же, как они голосовали на выборах в эпоху Сталина-Хрущева-Брежнева, но без видимого принуждения, повинуясь своему "внутреннему голосу". При этом эстетические вкусы их очень мало зависят от эстетических вкусов культурной элиты, к которым в других вопросах - политических, мировоззренческих они склонны прислушиваться. В этом отношении особо интересно попадание в первую десятку Пикуля и Глазунова. Наверное, нет художника, который вызывал бы большую нелюбовь у художнической и искусствоведческой верхушки, чем Глазунов, нелюбовь, кроме всего прочего, связанную с абсолютной неспособностью этой верхушки повлиять на вкусы широких масс. Глазунов стал как бы символом этого бессилия - ничто не может лишить его народной любви. По каким-то таинственным массовым эстетическим критериям он стал классиком. То же относится к Пикулю в области литературы.

В массовой эстетике очень много "таинственного", но ее консерватизм, однородность, догматизм - очевидны. Тем не менее и в этой самой ригидной сфере общественного сознания происходят сдвиги. Из таблицы 28 мы можем видеть, как общемировоззренческмие процессы связаны с эстетическими и как растет, хотя и медленно, культурно-эстетический плюрализм.

Таблица 28.

	Какая история и культура представляют для Вас наибольший интерес					
	Дореволюционной России	Советского периода	Западной Европы	США	Мусульманского Востока	Индии, Японии, Китая
Население в целом	45	11	7	3	1	9
16-17 лет	39	5	6	1	1	20
31-40	47	13	5	2	1	7
Свыше 60	44	25	7	0	0	3
Верующие	47	10	7	4	1	8
Атеисты	31	23	11	2	2	7

Мы видим, что сфера культурных интересов старшего поколения крайне ограничена. Здесь доминирует интерес к русской классической и советской культуре и вообще отсутствет интерес к мусульманскому миру и США. Интерес обращен назад, "вглубь", а не "вширь", в прошлые эпохи своей собственной культуры, или к чужим культурам. У молодежи сфера культурных интересов шире, эти интересы плюралистичнее. У стариков преимущественный интерес к нашей культуре - у 69%, у молодежи 16-17 лет - у 44%. Резко падает здесь интерес к советской культуре и меньше, но также падает интерес к русской классической культуре. Возрастает интерес к культуре США, стран Дальнего Востока.

Распределение ответов по мировоззренческим группам - "нормально". Верующие, естественно, особенно любят дореволюционную культуру, атеисты ее любят меньше (хотя более всех других культур любят все же ее), а советскую - больше. Культура Дальнего Востока и Индии близка людям с

неопределенным мировоззрением, среди которых распространены течения дзен-буддизма, йоги и т.д.

Отход молодежи от монотонности вкусов старшего поколения, тотального преобладания ориентации на русскую классику виден и в ответах на иные вопросы, раскрывающие культурные ориентации и эстетические вкусы.

Мы не знаем, что реально читают пожилые люди. Вообще вполне возможно (и даже очень вероятно), что отвечая на вопросы, совязанные с культурой и эстетикой, люди часто высказывают не реальные предпочтения, а те, которые они считают правильными. Но во всяком случае, по их словам, 49% из них предпочитает русскую классику, на втором месте - 35% (можно было сделать не один, а несколько выборов из списка) - книги по истории, у молодежи на первом месте - детективы (45%, у стариков - только 25%), затем - фантастика (40%, у стариков - 10%). Меньший интерес вызывает история (25% и 35%) и только на четвертом месте - классика (19%).

Наиболее ярко "плюрализация" эстетических вкусов видна в области музыки. (См. таблицу 29.)

Таблица 29.

	Опера	Джаз	Рок западный	Рок отечественный	Классика	Церковная музыка	Советская эстрада	Зарубежная эстрада	Народная музыка	Романсы	Восточная музыка
16-17 лет	2	3	19	22	9	12	42	40	3	13	7
Население в целом	7	5	8	5	14	9	42	19	18	26	4
Старше 60	23	3	0	0	10	14	20	2	46	30	1

Рок занимает у молодых почти такую же роль, как опера, романсы и народная музыка у старых. Но это не та же одно-

родность, но при иных предпочтениях. Вкусы молодых - шире, "плюралистичней", "эклектичней". Народная музыка потерпела страшный урон, но все же молодежь выбирает и ее, хотя старики вообще не выбирают рока. Возрастает у молодежи интерес к восточной музыке и рядом с роком вполне уживается церковная музыка.

Когда люди отвечают на вопросы о любимых писателях и художниках, в ответах, однако, возникает привычная монотонность. Различия в возрастах и в мировоззрении почти ничего не значат. У всех одинаково выскакивают стереотипные ответы.

Так, у верующих А.Пушкин занимает 14% всех выборов, Л.Толстой - 10, Чехов - 7, у атеистов - Л.Толстой - 15, А.Пушкин - 13, М.Шолохов и А.Дюма - по 8. Различия здесь почти не заметны. У молодежи чуть больше любви к Булгакову, у верующих - чуть меньше - к Шолохову, у лиц с более неопределенным мировоззрением чуть больше интереса к Булгакову и Дюма. Но это совершенно незначительные колебания. В выборе художников то же самое. У верующих первое место занимает Репин (11%), затем Шишкин (7%), у атеистов - Репин (17%), затем Айвазовский (9%) и Шишкин (9%), у тех, кто не верующий и не атеист опять-таки на первом месте Репин, на втором - Шишкин.

Таким образом, культура - наиболее жестко стереотипизированная, "догматическая" и ригидная сфера нашего общественного сознания, хотя процесс роста плюрализма идет и в этой сфере.

Мы видели перед собой "портрет" нашего меняющегося массового сознания. "Портрет" этот, разумеется, неполный и эскизный и все же он вполне достаточен для того, чтобы понять своеобразие нашей духовной ситуации. Во многих аспектах мы повторяем пройденное, совершаем движения, подчиненные относительно строгому ритму, которые мы сравнивали с движениями маятника, но которые можно уподобить и каким-то относительно сложным танцевальным "па" - шаг влево, поворот, шаг вправо и т.д. Уловив этот ритм, относительно легко предсказать следующие движения "танцора", что мы кое-где и пытались делать. Но наши движения - не только движения в определенном ритме. В их форме

совершается не ритмическое, а поступательное движение, видоизменяющее каждый следующий "ход маятника" (или "танцевальное па"), делающее его менее сильным, отчетливым. Это дает возможность предсказать относительную слабость новых ритмических движений. Мы, например, можем с уверенностью сказать, что движение к религии никогда не приведет не только к возвращению средневековой, но и к возвращению сталинско-брежневской (но с обратным знаком) ситуации. Мы можем предсказать, что усилившиеся авторитарные политические тенденции не приведут к стабильной диктатуре. Мы можем предсказать, что будущая антирелигиозная волна будет еще слабее, чем теперешняя религиозная и т.д. Но что мы не можем предсказать - это то, к какому неясному будущему мы движемся со всем человечеством. Предугадать это будущее невозможно, ибо единственное, что мы можем - это экстраполировать существующие тенденции - к большему плюрализму, аморфности и эклектизму в мировоззренческой сфере, большей демократичности, более неопределенной, "не догматической" морали и т.д. Но экстраполяции тенденций никогда не бывает достаточно. Всегда выясняется, что ты экстраполировал не самое важное, а самое важное проглядел, не заметил. "Маятник" явно останавливается. Но что будет означать эта остановка - воцарение хаоса, "энтропии" или передышкой перед началом какого-то совсем иного движения, совсем другого танца - известно одному Богу.

Новое всегда - принципиально новое, небывалое и не предугадываемое. Движение к нему - движение к неизвестному, в тумане. Но туман надо стараться рассеять. И мы надеемся, что в какой-то степени эта работа поможет сделать дорогу вперед чуть более ясной.